

ЛЕБЕДЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕТРАДЬ

Составители – Людмила Бахтина и Валерия Смольянинова

Дом Игумновых

Книга в журнале

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Акимов. Продолжение знакомства</i>	7
<i>Людмила Бахтина. Под шум дождя.....</i>	9
<i>Галина Бобылёва. «Я согласна молчать...»</i>	11
<i>Ольга Дронова. До весны</i>	12
<i>Александра Куликова. «Лёд под ногами критически тонок...»</i>	15
<i>Ольга Николаева. Малая родина.....</i>	16
<i>Павел Пономарёв. Молчанье.....</i>	18
<i>Маргарита Рассказова. «Над садами Лебедяни аромат...»</i>	21
<i>Валерия Смольянинова. Помни</i>	22
<i>Алексей Смоляков. Холостяцкий суп</i>	27
<i>Людмила Тетюхина. Следы падающих звёзд</i>	29
<i>Юрий Щербинин. «Прости нас, Россия и Бог...»</i>	31
<i>Марина Яблочникова. Там, за горизонтом.....</i>	33
<i>Борис Григорьев. Россия и Швеция в 30-е годы XVIII века.....</i>	35
<i>Раиса Усович. Прежде и теперь.....</i>	69

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

С издателем и литературоведом Лолой Звонарёвой и её командой лебеद्याнцы познакомились в июле 2019 года. Она приехала в Липецкую область вместе с художницей, студенткой Курского медицинского института Ольгой Руденской, студенткой Института мировых цивилизаций, членом редколлегии журнала «Серебряные сверчки», фотографом Татьяной Крапивенко и членом Союза журналистов России и Союза литераторов России Иваном Звонарёвым.

На родину Евгения Замятина — в маленький город Лебедянь Липецкой области они попали по приглашению Лебедянского фонда культуры в дни проведения международного пленэра «Лебедянские просторы». Это не могло не наложить отпечаток и на встречи, и на общение. Впрочем, литература часто переплетается с живописью, а художники, как известно, большие романтики и сами зачастую пишут стихи и прозу. Знакомство с литераторами и художниками, общение с местными жителями и приезжими художниками, осмотр достопримечательностей Лебедяни сделали программу двухдневного пребывания гостей весьма напряжённой.

Московских литераторов Лебедянь принимала в небольшом, но уютном культурном центре «Дом Игумновых». Презентации детско-юношеского журнала «Серебряные сверчки» и журнала «Литературные знакомства» стали событием в жизни местного культурного сообщества. Любители поэзии и литературного творчества с интересом знакомились с авторами журнала «Серебряные сверчки», слушали их высуждения, рассматривали иллюстрации. Любопытство и удивление постепенно сменялось искренним уважением к молодым авторам и редакторам, взвалившим на себя труд издания этих уникальных журналов.

Как оказалось, лебеद्याнцы могли бы стать частью этого творческого процесса, заявив о себе на страницах презентованных журналов. Вечером, когда в «Доме Игумновых» почти в полном составе собрался литературный клуб «Лебедянь», призывы к совместному твор-

честву вылились в конкретные планы и договорённости. Представляя лебедянским литераторам журнал «Литературные знакомства» и книгу «Труды и дни Риммы Казаковой: “Отечество, работа и любовь...”», написанную его главным редактором в соавторстве с Таисией Вечериной, Лола Звонарёва и ведущая рубрики «Мастерская ху-

дожника» Наталья Баженова перечислили возможные варианты сотрудничества — от участия во всероссийских и международных творческих конкурсах, литературных фестивалях и писательских форумах до публикации стихов, рассказов и воспоминаний в столичных и всероссийских журналах.

Казалось, от перспектив такого сотрудничества голова могла закружиться. Однако должно было пройти время. Повседневные личные дела, разразившаяся пандемия — отодвинули запланированное всеобъемлющее общение лебедянцев с московскими издателями. Хотя в журнале с тех пор и выходили отдельные произведения лебедянских авторов (например, исторические очерки Бориса Григорьева), а одна из самых активных участниц лебедянского сообщества — Раиса Михайловна Усович представила наш город на Днях русской культуры в Шуменском регионе Болгарии, выпустить «Лебедянскую литературную тетрадь» в журнале стало возможным лишь спустя почти три года. Уверен: ни на качестве опубликованных здесь произведений, ни на полноте представления лебедянских авторов такой вынужденный перерыв не сказался. Скорее, наоборот: реализация задуманного ещё на встречах в «Доме Игумновых» лишь подтвердила серьёзность наших намерений и большой потенциал сотрудничества авторов из Чернозёмной России со столичными редакторами и издателями. А значит, будем продолжать!

Валерий Акимов,
исполнительный директор
Лебедянского фонда культуры

ЛЮДМИЛА БАХТИНА

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

ЛЕБЕДЯНЬ

Городок неприметный в России
С добрым именем — Лебедянь!
По-над Доном туман твой синий
С берегов собирает дань.

Я люблю твой наряд весенний,
Ветра майского шепоток,
И на мельнице в день осенний
Слушать речки простой говорок.

Ты взглядишь, и вода расскажет
О таинственной связи времён:
Словно в зеркале, вдруг покажет,
Как невольниц вели в полон...

Над скалистой высокою кручей
Расплескалась небес синева.
Жаль, что вырублен лес дремучий,
Где колдунья жила — тишина.

Помнят прошлое закоулки
И овражек глухие места.
Пахнут мятою переулки,
Что-то шепчет родник у моста,

Прожурчит нам легенды и сказы —
В них живёт лебедянцев душа...
Кто бывал в Лебедяни, тот скажет,
Как Булгаков: «Она хороша!»

Лебедянь моя, край любимый,
Неприметный степной уголок...
Здесь когда-то слились воедино
Юный Запад и Древний Восток!

ВНУЧКЕ

Маленький комочек,
Девочка моя,
Сжатый в бантик ротик,
Тёмные глаза.
Ты лежишь доверчиво

Людмила Ивановна Бахтина (1947 г.р., Лебедянский район) после окончания Лебедянского педучилища работала в школах Липецкой области. Окончила Липецкий государственный педагогический институт (специальность - русский язык и литература). Преподаватель Лебедянского педагогического колледжа. Ныне на заслуженном отдыхе. Стихи и проза публиковались в периодической печати, в литературно-художественных альманахах «Ямбъ» (2012), «Вознесение» (2015), «Цветик-многоцветик» (2019), «Лебедянь творческая»(2020), «На что похожа любовь?»(2021) и другие. Автор книги для детей «Где ночуют воробьи?» (2020). Член Союза писателей «Воинское содружество». Секретарь литературного клуба «Лебедянь».

В колыбели рук,
И судьбой начертанный
Начинаешь круг.
В тёплой колыбели
Не страшны пока
Снежные метели,
Дождик и пурга,
Злая непогода,
И порывы вьюг —
Не найдут тревоги
В перекрестье рук.
Пусть уйдёт ненастье,
Ветрами звеня!
Пожелаю счастье —
Бог, спаси тебя!

КУКУШКА

Всё кукушка куковала...
Отсчитала мне года,
А потом вдруг замолчала -
Улетела навсегда.

Ну, а мне — подарок к лету:
Хочешь — верь, мол, хочешь — нет
Ты в народную примету,
Но живи с десяток лет.

Непутёвая ты птица -
Это ж счастье — десять лет!
Не журавль ведь, а синица
Мне нужна на склоне лет.

Ах, кукушечка-кукушка,
Издалёка возвратись,
Накукуй годков, подружка,
Эхом звонким отзовись.

Те года на нитку снижу
И в наряде покажусь,
Не заметят — не обижусь,
Но по улице пройдуся.

Пусть года звенят от счастья
Благовестом на груди,
Чтобы беды и несчастья
Не встречались на пути,

Чтобы жить мне долго-долго
Не во снах, а наяву...
И дарила годы звонко
Мне кукушка поутру.

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Под шум осеннего дождя
Прощались мы под аркой,
Дождинки, по лицу скользья,
Казались мне подарком:

Ведь небо плакало тогда,
Скрывая боль разлуки...
Меня обняли, навсегда
Вдруг став чужими, руки.

И губы были холодны.
Шаги звучали глуше...
А в бледном проблеске луны
Зеркалили все лужи.

Шли годы, время торопя,
Доверив жизнь судьбе...
Но шум осеннего дождя
Напомнил о тебе.

«Я СОГЛАСНА МОЛЧАТЬ...»

Как без правды и веры жить?
Сердцем добрым можно простить...
Ум и мудрость помогут понять,
А поняв, как и прежде любить,
Но поверить по-новому как?
Как без веры на свете жить?

И простить не значит забыть...
Память будет тревожить опять,
Сердце будет как прежде ныть,
По привычке обмана ждать.
Как без правды на свете жить?

Я СОГЛАСНА МОЛЧАТЬ

Я согласна молчать,
если мне улыбаются звёзды,
Если песня звучит в небосводе
вечерней зари.
Вот в такие минуты рождаются
сладкие грёзы,
Унося ввысь подальше
от грешной земли,
Где мечтается о невозможном.

Я согласна молчать,
если ветер листочки качает,
Если солнце рисует
сквозь редкую крону узор.
Сердце в эти минуты любимый
мотив вспоминает,
Мне даря долгожданный
душевный покой,
Усмирив беспокойную память.

Я согласна молчать,
если пламя салютом искрится,
Если тёмные воды уносит
неспешно река.
И тогда исчезают реальность,
события, лица,
В никуда словно мысли приводят
на время меня.
Как приятно порою забыться.

ГРИБНОЙ СНЕЖОК

В морозный день «грибной» снежок —
приятнейший подарок,
Редчайшее явление, казалось бы,
совсем немислимо,

Галина Алексеевна Бобылёва (1959 г.р., Лебедянь) — среднее образование получила в школе № 2, высшее — в МичГАУ (специальность — зооинженерия). Работала на птицефабрике «Лебедянская» и др. сельхозпредприятиях. Первые пробы пера — в 16 лет. Стихи публиковались в периодической печати и в сборнике «Лебедянь творческая»(2020), «На что похожа любовь?» (2021).

Искрясь от ярких солнечных лучей,
играючи сверкает,
Как будто в воздухе разбросан
серебристый бисер.

Такая красота глаз радует
и настроение поднимает.

Залюбовалась снегом,
а он нехотя, неторопливо падал,
Был невесом и, может быть,
поэтому непредсказуем,
Когда вдруг налетевший ветерок
его легко подхватывал,
Он лихо вырисовывал

замысловатые, сложнейшие фигуры
Как будто под неслышимую музыку
кружился в вальсе.

Всего лишь снег среди зимы,
всего лишь падал,

Не в первый раз, чуть освежая
близну привычную,

Но ненавязчиво мой взгляд
в который раз притягивал

И наблюдала я за ним,
есть что-то в нём магическое...

Ах, сколько вызвал чувств,
ассоциаций и воспоминаний...

ОЛЬГА ДРОНОВА

ДО ВЕСНЫ

Вьюга, вьюга кружится.
Снег на крышах ёжится.
Мне опять недужится.
Мне опять неможется.
В думах — что за окнами —
Вперемешку рваными
Строками да склоками
Да с чужими тайнами,
Завистью, обидами,
Да с немой гордынею...

Лишь глазёнки выдали
Горькою полынью.
Вьюга, вьюга кружится.
Рвётся память клочьями.
С кем сегодня сдружимся?
С ветром, с криком, с ночью ли?
Мне б разбиться вдребезги!
Нараспашку нервами!
Распрямить в душе изгиб!
Только я не первая...

ДО ВЕСНЫ

Мне кажется, будто стою я,
как старое дерево,
На стыке веков и над полем
бессонных ночей.
Как бесится ветер!
А я шепчу: «Господи, верую!»
Ветвями за воздух хватаюсь,
он тоже ничей.

И «Вася плюс Катя» висят
на стволе моем шрамами,
И голые корни торчат
над иссохшей землёй.
Так хочется спрятаться между
седыми туманами!
Из бури хочу я на вечный
безмолвный покой.

Но только вчера было слышно
мне детское пение,
И ласточки-пальцы коснулись
шершавой коры.
Там девочка-ангел листы
собирала осенние,
Просила меня потерпеть
до весенней поры.

Кудрявый мой ангел,
глаза твои синие-синие
Меня от слепого унынья
невольно спасли.
Ни сушь, ни ветра,
ни метелюшки зимние сильные

Не смогут меня оторвать
от родимой земли.

Лишь ради тебя я ещё поднатужусь
и вырасту
И листья-ладони раскрою
навстречу дождю.
Пусть злоба вокруг и пустые
нелепые вымыслы.
Ты жаждешь весны?
И её, и тебя подожду.

ЛИШЬ ЗА ТО

В это тихое утро, купаясь в рассвете,
Солнца луч прижимая поближе
к себе,
Я люблю этот мир, как его любят дети,
Лишь за то, что ты тоже
живёшь на земле.

Я душой обниму все охапки сирени
И вдохну это утро поглубже в себя.
Я люблю этот мир, без сомненья,
без тени.
Мир, что вижу сама, и в глазах у тебя.

В синеве быстрых ласточек
тонкие песни.
И на зелень травы даже жаль
наступить.
Я люблю этот мир, без прикрас
и без лести.
И до боли, до вскрика мне надо
любить.

Ольга Евгеньевна Дронова (1982 г.р., пос. Агроном Лебедянского р-на Липецкой обл.). Стихи пишет с 9 лет, публиковаться начала с 16 лет в местной районной газете. Публикации в коллективных сборниках «Золотая строфа» (2009), Всероссийского фестиваля молодых поэтов «Ночь, улица, фонарь, аптека» (2010), в различных альманахах. Живёт в Лебедяни Липецкой обл. Член литературного клуба «Лебедеянь» (с 2011). По образованию — преподаватель немецкого языка, работает воспитателем детского сада. Вдохновение черпает в классической музыке, хороших книгах, природе, красоте человеческих отношений и любви близких.

«ЛЁД ПОД НОГАМИ КРИТИЧЕСКИ ТОНОК...»

* * *

Погибаю. Спина сутулится.
Пешеходы, подземки, улицы.
Дым дыханию поперёк.
По извилинам в сердце грузится
Чёрных мыслей немой поток.
Грязь на обуви. Слякоть брэнная.
Дождь бессменно 13 дней.
На ладонях грустит Вселенная.
Сердце заперто для людей.

* * *

С неба, как тысячи колких роз,
Срываются стрелы.
Скрыта земля пронзительно-белым,
Колюче-белым.
Войско металла врезается в тело,
Болью жалит.
Всё твоё тело в жутком пожаре,
В белом пожаре.
Лёд под ногами критически тонок,

Снег же пронзительно бел.
В тело врываются с горьким стоном
Кончики острых стрел.

Ты, как обычно, в своей манере
Так аккуратен и чист.
Красные пятна на белых одеждах,
День белоснежно лучист.

Я прорываюсь к тебе на встречу,
Жди меня, я добегу!
Я не вижу, как грозно темнеет
Лицо на том берегу.
Враг или друг, скажи мне, за что он
Сейчас так смотрит на нас?
Вы мне сквозь слёзы шепчете что-то,
Просите, чтобы спаслась.
В этом капкане, оставив надежду,
Отчаянью вопреки
Жадно целую, касаюсь нежно,
Тянусь до Вашей руки.

Александра Куликова родилась в Лебедяни Липецкой обл. Училась в средней школе № 3, затем в Липецке, в ЛГТУ, на инженерно-строительном факультете. Работает по специальности в Липецке. Полюбила стихи ещё в школе, до сих пор «болеет» ими: ведёт паблик в ВК, читает современную поэзию, вдохновляется, делится находками, проводит конкурсы, привлекая к участию увлечённых поэзией людей. Вместе с командой выпустила поэтический альманах «Стихи внутри тебя» (Брянск, 2019). Ещё учась в школе, стала членом литературного клуба «Лебедянь», который продолжает посещать и сейчас. Стихи публиковались в периодической печати и в сборнике «Лебедянь творческая» (2020).

И пойду, счастливая,
по полям родным.

На родном пригорке посижу
немножко,

Посмотрю, как в небе облака плывут.
И пойду я к дому по родной дорожке,
Где меня все любят, и туда, где ждут.

Маленький мой город, близкий
и любимый,

Всё мне здесь знакомо:
люди и земля.

Даже в непогоду ты мне
самый милый,

Малая ты Родина — Лебедянь моя.

ДРУЗЬЯМ

Трудно жить на свете без любви,
Скучно жить без смеха и улыбки,
Очень плохо, если вы одни,
Одиночество — житейские ошибки.

На Земле — осенний листопад,
На Земле — снежинки хороводят.
На Земле — весна, и всё подряд
С новой надеждой в жизнь уходит.

Пусть к вам добрые друзья придут,
Двери дома вы для них раскройте,
Пусть заботы ваши подождут,
Вы с друзьями под гитару спойте.

Спойте вы о том, что всё пройдёт,
И о том, что счастье ещё будет,
Что кого-то скорый поезд ждёт,
Что друзей никто не позабудет.

Даже если слёзы на глазах,
Не жалейте сквозь слезу улыбки,
Ведь улыбка лечит боль и страх,
И прощает глупые ошибки.

Улетают в никуда года,
Не вернуть их, сколько не зови.
Потому желаю вам: всегда
Жить с улыбкой в счастье и любви.

Ольга Юрьевна Николаева (1961 г.р., Липецк). В Лебедяни с 1963. Закончив среднюю школу № 4, продолжила обучение в Липецком профтехучилище, в Задонском культпросветучилище, которое окончила с отличием (специальность — «Руководитель оркестра народных инструментов»). В Лебедяни работала в отделе культуры. Активная участница культурной жизни области, в том числе творческих встреч «Письма из провинции», дипломант пяти фестивалей авторской песни, член литературно-художественного клуба «Лебедянь». Стихи публиковались во многих сборниках. Автор книги «Милый сад, где соловей поёт» (2013). Член союза писателей «Воинское содружество».

ПАВЕЛ ПОНОМАРЁВ

МОЛЧАНЬЕ

* * *

Кто его поднял к солнцу,
Кто научил прощать
И обменял на совесть
Право на первый шаг?

Но проживая с болью
(Крестик в ступне зажат),
Перекатился в поле
Мальчик — безногий шар.

Кто-то его подхватит,
В капельках лоб утрёт
И, как в купель, посадит
В солнечное утро.

Но запуская пальцы
В огненные лучи,
Правды в ногах, мой мальчик,
Мальчик мой, не ищи!

Это большое небо
Первой твоей весны...
Мальчик, ты был иль не был?
Это
чужие
сны.

МОЛЧАНЬЕ

Надземный путь прорезал
От самолёта луч.
Молчу небесной бездной,
Смотрящей из-за туч.

Молчу на ранний город
В умеренном свету:
Я так нескромно молод —
Но ведь и я уйду.

Кружащей в море стаей
Над вечным маяком

Павел Алексеевич Пономарёв — родился в г. Лебедянь (Липецкая область) в 1997 г. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Главный редактор газеты «Воронежский университет». Председатель Воронежского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Лауреат литературной премии Справедливой России «В поисках правды и справедливости», воронежской литературной премии «Кольцовский край». Публиковался в различных газетах и журналах, электронных изданиях. Автор книг «Со-бытие. Дневник молодого человека» (2020), «Автор и диалог: Искусство публицистики в работах профессора Льва Кройчика» (2021).

Уйду — и в этом тайна
Молчанья моего.

А где-то в золочёной
Кленовой вышине
Прорвёт слепой грачонок
Молчанье обо мне.

* * *

Я уеду, мой друг,
далеко, далеко,
Где в бреду обрету
неотпетый покой,
Где не пишут
ни племя, ни имя,
Где не ставят
крестов на могилах,
Где не видят, не знают, не помнят,
кто, когда и куда похоронен.

Я уеду, мой друг,
далеко, далеко
От родной стороны,
от стихов и грехов.
От неё. От него.
От себя и от них.
Только мать и отца
как я брошу одних?

Я оставлю свой крест
под окладом иконы.
Я уеду, мой друг.
Спросишь ты: «Далеко ли?»

* * *

И, кажется, эта зима не уйдёт —
И, кажется, будет снег.
Но бредит слабеющий
мартовский лёд
И тает разбитый след.
И слово на воздухе талом мертво,
И слову спасенья нет —

Да светится льдинками имя твоё,
Да придет сегодня снег!
Да будет и воля, как на небе, здесь;
Но если в чём есть вина,
То хлеб наш насущный подай
на сей день
И долги остави нам.

И кажется, больше никто не умрёт,
И кажется, смерти нет.

Ломается,
мается
мартовский лёд,
И тает,
и тает снег.

* * *

И как Бог, что обнял
наливные колосья,
был гонимым пророком
в пустынной степи,
так расстрелян был царский
усач-знаменосец,
так советский трубач
был распят за стихи.

Стерегли. Берегли.
И «Храни!» распевали —
Только не-
доглядели, недо-
берегли.
И пожар мировой?
будто мух? раздували —
только мух тех слонами потом
нарекли.

И в пустынной степи,
закусив удила,
Погоняемы батшкой-себе-на-уме,
Кони мухами мрут —
за какой идеал?

«НАД САДАМИ ЛЕБЕДЯНИ АРОМАТ...»

ВЕТЕР ОСЕНИ

Обними меня, ветер осенний,
Унеси меня вдаль за собой!
От объятий твоих, дуновений
Восхищаюсь я жизнью земной.

Отнеси меня в детство, к подругам,
На дорогу из школы домой.
Но не быть моим крыльям упругим.
Детство там — за высокой горой.

Может, юность покажешь мне, ветер,
Встречи с милым под ясной луной?
Наступил неожиданно вечер.
Не забрал меня ветер с собой...

Ветер Осени листья срывает,
Обнажает красу и наряд.
В жизни нашей, увы, так бывает —
Не вернуты наши годы назад.

ЗИМА

Косматый ветер кружит снегом
И поднимает вверх клубы.
Играя резвым танцем, бегом,
Взмывают вихри на дыбы.

Не устоять порывам резким:
Поднял снежинок хоровод
И утопил в морозном блеске
С небес туманный лунный свод.

Укройся, путник, от ненастья,
Подняв свой тёплый воротник,
Быть может, в буре сыщешь счастье,
Быть может, буря твой двойник.

Косматый ветер кружит снегом,
Спешит навстречу, словно друг.
В порывах, может, встретишь негу
И позабудешь холод вдруг.

Мargarita Геннадьевна Рассказова (1962 г.р., Лебедянь) закончила Лебедянский педагогический институт (1981). Имеет высшее педагогическое образование, закончила Московский пединститут. С раннего детства любит литературу, стихи А. С. Пушкина. Привязана к родному городу: любит природу, прошлое и настоящее Лебедяни. 30 лет работала учителем-дефектологом в школе для слабослышащих детей. Большое место в творчестве занимает православная лирика и стихи для детей. Стихи публиковались в периодической печати, в сборнике «Лебедянь творческая» (2020). Работает логопедом в неврологическом отделении.

Природы чудеса всегда
нас вдохновляют —
Полны величия и небо, и земля!
Создатель смысл глубинный бытия
Чрез красоту душе приоткрывает.
Нам каждый день какой-то
штрих приносит —
С природой будучи, как песен
не слагать! —
Но столько красок, сколько
дарит осень,
В другое время года не сыскать:
Всё в золоте вокруг —
но красные всполохи
Оттенков разных пламенеют
там и тут,
Пушистой хвои сочный изумруд,
Стволов сосновых яркие полоски,
Там — зелень нежная деревьев
самых стойких,
Упрямо до зимы не вянущей травы,
Там — белизна на ней ромашек
бойких,
Берёз и облаков средь неба
синевы, —
Всё это смешано и с щедростью
разлито —
Не перечислить сочетаний всех!
А выпадет прозрачный первый снег —
Как кружевом, им вся земля
покрыта.

Непрочен он — ещё не раз растает:
Нам целый месяц разноцветья дан!
Сама природа словно побуждает
Дать строй особый звукам и словам.
Веди ж, тропинка, нас всё дальше
в Сказку,
В страну Воображенья и Мечты!
Быть может, среди этой красоты
Удастся, наконец, поймать

подсказку,
Чтоб в форму нужную суметь
облечь скорей,
Что в мыслях крутится и не даёт
покоя,
А после, в свете ласковом свечей,
С друзьями разделить,
что создано тобою...

Дана нам тяга к творчеству недаром,
А чтобы что-то важное понять.
Ведь нам таланты в землю зарывать
Не велено, пускай они и малы.
Так значит, надо что-то сочинить,
Сыграть, прочесть или спеть,
добавив часть души,
В прекрасном полотне мечту
отобразить
Или сложить стихи среди
ночной тиши.

И пусть не все сумеют оценить
Плоды трудов твоих,
затраченные силы,

=====

Смолянинова Валерия Аполлоновна (1968 г.р., Москва) очень привязана к Лебедяни, где родились её родители, бабушки и дедушки и где она проводит летний отпуск. Преподаёт информационные технологии в РТУ МИРЭА (Москва). Кандидат технических наук. Имеет высшее музыкальное образование (специальность — академическое пение). Солистка московской оперной студии «Орфей», член литературного клуба «Лебедянь». Победитель и лауреат музыкальных и поэтических конкурсов, участница фестивалей «Покровские встречи» им. Е.И. Замятина (Лебедянь). Любит природу, музыку и книги, особенно произведения Юлия Верна. Стихи публиковались в сборниках «Лебедянь творческая» (2020) и «На что похожа любовь?» (2021).

=====

Остановиться, чтобы отдохнуть,
Взор устремив на точки звёзд
за облаками,
Чтоб на себя по-новому взглянуть,
Почувствовав полёт между мирами.

Чтоб силы новые в душе своей
открыть,
Оставить сожаления, тревогу,
Чтоб сердце, разум, волю укрепить,
Пройти достойно главную дорогу.

Чтоб среди множества
важнейшее найти,
Принять однажды верное решение,
И чтоб не сбиться с нужного пути
Среди привычного всedневногo
круженья.

ПОМНИ

Наша жизнь — как сад: в ней
могут быть чудесные мгнове-
нья, но они не сохраняются.
Только в памяти...

Леонард Нимой

Вся жизнь — как сад:
в ней могут быть мгновенья
Неописуемой словами красоты!
Природы уникальные творенья —
Плоды, деревья, травы и кусты.
Любой цветок откроет мир
безбрежный,
Когда на нём, скользя,
задержишь взгляд,
И струны тайные затронет
неизбежно
Его чарующий, манящий аромат.
Но строй космический
неумолимо точен:

Свой путь Земля вершит
за годом год,
И за сезоном вслед, как день
за ночью,
В свой срок положенный
другой сезон идёт.
И чудеса в саду, сменяясь,
прочь уходят
Никак не задержать,
никак не сохранить.
Замкнётся круг,
но ничего в природе
Точь-в-точь, как было, вновь
не повторить.

Лишь в памяти всему найдётся место.
Она заботливо и честно сбережёт
Всё то, что радостью
переполняло сердце,
Что вдохновляло двигаться вперёд,
Что чувства светлые
и чистые рождало,
Что помогало силы почерпнуть,
Что нас к мечте прекрасной
побуждало
И облегчало самый трудный путь.

Есть тайный мир, где сердце
вновь согреют
Моменты чудные, а память —
ключ туда.
Со всем, что для души значение
имеет,
Через неё мы связаны всегда.
Всё то, что разума и сердца
вдруг коснулось
Теплом особенным,
стеснило счастьем грудь,
К чему в ответ душа вся потянулась,
Ты — помни!.. Пригодится
как-нибудь.

* * *

Я мальчиком мечтал, читая
Жюля Верна,
Что тени вымысла плоть
обретут для нас,
Что поплывёт судно,
громадней «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый
Гаттерас...

Свершились все мечты,
что были так далёки,
Победный ум прошёл за годы
сотни миль.
При электричестве пишу я
эти строки,
И у ворот, гудя, стоит
автомобиль...
*В. Брюсов. «При электричестве»,
1912 г.*

Немало лет, читая Жюля Верна,
Я нахожу отраду для души.
Есть много книг, — и среди них,
наверно,
Что более важны и хороши.
Но как-то раз в тиши библиотеки
Из многих книг
мне встретилась одна —
С того момента вместе мы навеки,
Она всегда и всюду мне нужна.
Тогда, страницы с жадностью глотая,
Ещё не знала я,
в какой чудесный мир
Себе тем самым дверь я открываю —
Он в корне жизнь мою переменял.
Морозным вечером,
меж снежных гор блуждая,
Я обретала дружбы теплоту,
И звёзды надо мной сверкали,
пробуждая
Любви прекрасной дивную мечту.

С тех самых пор с той дружбой
и мечтою
Иду по жизни я за годом год
Вслед за зажжённой мне тогда
звездой —
Её Зелёный Луч меня ведёт.
В ненастья час меня он согревает,
В час грусти и усталости бодрит,
И в песне, и в труде меня он
вдохновляет,
Всё то, что сердцу дорого, живит.

Как счастлив тот, кто так вот
книгу встретит,
С героями которой веселей,
Спокойней и уверенней на свете,
В нежданном одиночестве теплей.
Как счастлив тот, кому звезда укажет
Его призвание — и он её поймёт.
Как важен тот, кто ту звезду покажет:
Неоценимую он помощь нам даёт!

И торжествуя имя Жюля Верна
Из года в год восьмым
февральским днём
Я на снегу пишу и радуюсь безмерно,
Когда беру любимый старый том.
Его опять, в поход свой собираясь,
С улыбкой в сумку бережно кладу
И на друзей привычно опираясь
Я с ними рядом смело в путь иду.

Не зря учили нас надеяться и верить
Те книги, что познать нам
помогали мир:
К чудесному всегда открыты двери
Тому, кто дар мечтанья сохранил.
Волшебная страна
Мечты-Воображения
Для жизни много важного хранит
И дарит незабвенные мгновенья
Тому, кто к ней дорогу разглядит.

Пусть сбудутся мечты,
хоть многие далеки —
Нельзя на свете жить и не мечтать.
При электричестве пишу я
эти строки:
Так ярок лунный диск,
что невозможно спать!
Душа полна таких воспоминаний,
Что сердце согревают и томят,
И тайну давнюю заветнейших
мечтаний
Хранит надёжно добрый старый сад.

И с трепетом я книгу открываю —
Всё вновь и вновь, который год
подряд —
Знакомые те строки повторяю,
Они, как прежде, силы мне дарят.
Мы вместе с книгой той теперь навеки,
И бесконечной благодарности полна
Душа за дивный миг,
когда в библиотеке
Средь многих книг
мне встретилась одна.

АЛЕКСЕЙ СМОЛЯКОВ

ХОЛОСТЯЦКИЙ СУП

ХОЛОСТЯЦКИЙ СУП

Упадут мне на хлеб капли
горькой слезы,
Я слеплю с них четыре комочка.
Первый — я, второй — ты,
третий — умница сын,
А четвёртый — красавица дочка.
Это будет семья, о которой мечтал.
Посажу всех в лавровый листочек:

Океан — жидкий суп,
край тарелки — причал,
А мой сдавленный вздох —
ветерочек.

Пусть плывёт тот корабль
по спокойным волнам,
Где найти своё счастье — он знает...
Мне же снова хлебать
со слезой пополам
Суп, который сейчас остывает.

ЛЮДМИЛА ТЕТЮХИНА

СЛЕДАМИ ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД

* * *

Хорошо, когда снег под ногами,
Как поджаренный, сухо хрустит.
Хорошо, что в тени за домами
Эта белая липа стоит.
Как приятно глядеть на прохожих,
Улыбаясь невольно другим.

Всё сегодня на счастье похоже,
Всё мне кажется близким, родным.
Посмотри — мир в серебряных
нитях,

Всё опутала ими луна.
А ведь многие, верно, не видят,
Как сейчас улыбнулась она.

* * *

Кончается праздник.
Кончается праздник...
На мусорках ёлки печально стоят,
Заброшены здесь,
став ненужными сразу,

Лишь кошки бродячие их сторожат.

Как хочется где-то душой отогреться,
На тёплый огонь засмотревшись
в ночи.

Тревожно на сердце,
тоскливо на сердце,
Быть может... быть может,
совсем без причин.

Кончается праздник.
Метель заметает
Надежд новогодних
обманчивый след.
А ёлка — она из-за нас умирает,
Даря нам коротенькой радости свет.

* * *

Ох, и была меня жизнь, ох, и была!
Уму-разуму меня всё учила.
Очки розовые мне разбивала,
А я новые опять надевала.

Людмила Александровна Тетюхина (1938 г.р., г. Мытищи Моск. обл.) живёт в Лебедяни (с 1940, с 1990). Окончила Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, работала инженером в конструкторском бюро С.В. Ильюшина. Стихи и рассказы печатались в журнале «Петровский мост», в поэтическом сборнике «Муза малой родины» (2011), в литературно-художественном альманахе «Ямбъ» (2012), в сборнике «Лебедянь творческая» (2020), в периодике. В 2012 г. издала книгу лирических стихов «Я — женщина». Член союза писателей «Воинское содружество»

ЮРИЙ ЩЕРБИНИН

«ПРОСТИ НАС, РОССИЯ И БОГ...»

КУЗЬМИНКИ

Польнь да крапива густая —
Жилья опустевшего вид.
Здесь пёс в подворотне не лает,
И ночью петух не кричит.

Село зарастает бурьяном,
Забытое всеми давно.
И в сером осеннем тумане
Похоже на призрак оно.

Его старожилы-крестьяне
Уже не вернутся сюда:
Одни за бугром под крестами,
Другие ушли в города.

Прошлась, знать, нечистая сила,
Ведь так не бывает спроста,
Чтоб люд деревенский всем миром
Покинул родные места.

Как памятник миру и Богу,
От мира всего в стороне
Стоит у проезжей дороги
Церквушка на голом холме.

И в скорби своей одинокой,
Под бременем множества лет
Пустыми глазницами окон
С укором взирает на свет.

С тягучим цыганским надрывом
Ветра день и ночь за селом
Свистят у речного обрыва,
Как будто по сердцу ножом.

За всё: за кресты и за дикость,
За дома забытый порог,
За горькую правду и лихость
Прости нас, Россия и Бог.

Юрий Дмитриевич Щербинин (1938 г.р. ст. Крюково, Московская обл.). В войну дом разбомбили, отец был на фронте, семья переехала в Лебедянь (1942), ставшую родным городом. По окончании средней школы поступил в Рязанское военное училище, служил во флоте. Вернувшись в Лебедянь, работал учителем физкультуры в школе-интернате для слабослышащих детей, в профтехучилище. Совмещая работу с учёбой в Липецком пединституте, получил высшее образование. С 2002 г. — на заслуженном отдыхе. Стихи пишет давно, они помогают передать размышления и чувства, восприятие окружающего мира. Публикации в периодической печати, журнале «Петровский мост», в альманахе «Ямбь» (2012). Член литературного клуба «Лебедянь».

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

МОЯ РОССИЯ

Моя Россия православная,
В платочках — маковки церквей,
Ты многолика, ты разная,
Как лица наших матерей.
Многострадальная, великая,
Россия — матушка-земля!
Пронзала небо стая криками
Вслед уходящим сыновьям.
Остались шрамами-окопами
Войны минувшие следы.
Но ты, как прежде, синеокая,
Не исчерпала доброты.
Ты песнями многоголосая!
Твоих седин лебяжий пух,
Хлеба пшеничные по осени,
Лесная стать — всё русский дух!
Моя Россия православная,
В платочках маковки церквей.
Молюсь с тобой о самом главном я:
Чтоб в мире вырастить детей!
Там, за горизонтом

Не шумите, ивы, над рекой,
И ветра в полях — не голосите!
Я иду некошеной тропой,
Не ищу уютную обитель.
Стёрты ноги до мозолей в кровь,
Закусила губы, не рыдаю,
Высказать всю боль не хватит слов,
От себя самой я убегаю.
Ухожу в цветущие поля,
Где душа любит закатом,
Там, за горизонтом, есть земля —
Я жила в той стороне когда-то.
Посажу на берегу реки,
Из цветов веночек спущу на воду.
Ты, река, веночек не топи,
Пусть плывёт — укажет мне дорогу!

* * *

Среди своих была чужой,
Крылами — белой.
С ранимой, тонкою душой,
В полёте — смелой.

Марина Николаевна Яблочникова родилась в Лебедяни. Училась в средней школе №1, в торгово-экономическом техникуме (отделение «бухгалтер-экономист»). По семейным обстоятельствам уехала в Сыктывкар, где работала по специальности. Вернулась в Лебедянь и продолжила работу в сфере торговли (1996). С 2010 г. — на пенсии. Стихи писала всегда, но активнее всего, когда стала членом литературного клуба «Лебедянь». Они публиковались в периодической печати, в сборнике «Лебедянь творческая» (2020) и на сайте «Стихи.ру»

Мир видела совсем иным,
Всё вдаль смотрела,
Как чистый ангел — херувим,
Душа летела.

Готова всем всегда помочь,
Казалась странной,
Не проливала слёз, лишь ночь
Скрывала раны.

Сочилась кровью её боль,
Никто не видел.
Счастливую — играла роль,
И хлопал зритель.

Среди своих была чужой,
Казалась — белой,
Пролёт на крыльях снег седой,
На чёрном — мелом.

МЫ С ТОБОЙ ЗАТЕРЯЛИСЬ ВО ВРЕМЕНИ...

Мы с тобой затерялись во времени,
Мы с тобой разминулись в веках,
Ты поэт своего поколения,
Предстоит наша встреча в стихах.

По извилистым тропкам бродила,
В лабиринтах запутанных слов,

Не спала по ночам, ворожила,
Между строчек искала любовь.

Ту, что тихо приходит с рассветом,
Нежным, трепетным, первым лучом,
Слышать сердце, дыханье поэта,
Сквозь столетья волшебным
Смычком.

Что заденет душевные струны,
В синей дали ведя за собой,
Там, где ветер гуляет безумный,
Там, где воздух витает хмельной.

Шёпот трав и безмолвие леса,
Мачты сосен летят в облака,
Златокудрый поэт и повеса,
Твои строки пронзили века.

Эти строки — разящие стрелы,
Ранят душу и сердце моё,
Слог высокий и голос твой смелый,
Долгим эхом мне вторит, поёт.

Мы с тобой затерялись во времени,
Мы с тобой разминулись в веках,
Между нами легли поколения,
Наша встреча — разлука в стихах.

БОРИС ГРИГОРЬЕВ

РОССИЯ И ШВЕЦИЯ В 30-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Внутренние изменения, причинённые потерей огромных территорий, находились в основном в психологической области.

Альф Хенриксон

Россия и Швеция на фоне польских событий

История вообще, а история новая и новейшая в значительной степени — результат или проекция поступков и действий руководителей государств — королей, царей, императоров, президентов, премьер-министров, министров и прочих «вождей». Положение о ведущей роли масс в историческом развитии общества и государства в значительной степени миф, и миф весьма вредный. На самом деле всемирная история свидетельствует неуклонно об одном: тот, кто, говоря современным языком, имел административный ресурс, тот и направлял ход событий, и как бы марксизм ни пытался доказать обратное, исторический процесс опровергает его ежечасно и ежеминутно даже в наш «прогрессивный» и «демократичный» XXI век. Массам отведена роль статистов, оказывающих влияние на ход событий лишь в опосредованном виде под предводительством «вождей», и с этим ничего не поделаешь.

Борис Николаевич Григорьев (1942 г.р., с. Порой Трубетчинского р-на Рязанской (Липецкой) обл.) — выпускник переводческого факультета 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. Работал в системе разведки КГБ и СВР (1965–1966), полковник запаса СВР (1996). Занимается писательской деятельностью с 1996 года, сотрудничая с издательствами: «Молодая гвардия», «Вече», «ОЛМА-ПРЕСС», «Гелеос», «Центрполиграф» и др. Работает в историческом жанре. Автор более 30 книг, в т.ч. в серии «Жизнь замечательных людей», в серии «Повседневная жизнь». Владеет немецким, английским и скандинавскими языками. Живёт в Москве и в с. Курапово Липецкой области.

Обстановка в Европе всегда, в том числе и в 1730-е годы, была нестабильной, и нестабильность часто вызывалась династийными распрями. После Северной войны (1700–1721) началась война за испанское наследство (1701–1714), потом последовал раскол в Европе по поводу так называемой «прагматической санкции» императора Германской империи Карла VI; затем возникло противостояние Венского союза (Россия и Австрия) с Ганноверским. Потом последовала война за польское наследство (1733–1734), а за ними — война России и Австрии с Османской Портой. При этом во всех конфликтах была замешана «супердержава» Франция, стремившиеся расчлениить или, по крайней мере, ослабить Австро-Венгерскую империю и отбросить её союзника Россию за «варварский» барьер.

В борьбе за наследство какого-либо монарха решалась проблема создания выгодных территориальных, политических и военно-социальных преимуществ той или иной страны над соперниками и соседями. Королевская или императорская власть символизировала страну, нацию и само государство, поэтому борьба за возможность посадить на испанский или польский трон ставленника на самом деле была борьба наций и народов за «место под солнцем».

В то десятилетие России впервые пришлось встретиться с массивным идеологическим наступлением Запада, обеспокоенного усилением России и вступлением её на европейский театр действий. Зачинщиком выступила Франция, обвинившая Россию в экспансии на запад, представившая Петра и его последователей как агрессоров, якобы угрожавших безопасности Европы. Франция предложила установить так называемый «восточный вал» и вернуть московитов в их «варварские» степи и леса.

Сразу после войны за польское наследство, в котором Франция потерпела сокрушительное фиаско, на арену вышли «Московские письма» Ф. Локателли, в которых он предупреждал европейцев от складывавшегося у них положительного мнения о русских и воскресил образ «русского варварства». Русские, по его мнению, не европейцы, они хуже татар, их происхождение тёмно — скорее всего, они происходят от скифских рабов, и рабство — их вечный удел. Утвердившись на Балтике, они пытаются распространить пагубное влияние на весь континент.

Швеция, находившаяся теперь на периферии большой европейской политики, была выбрана Парижем в качестве орудия против России на северном фланге, но для России шведский фактор отнюдь не считался второстепенным. Именно интегрированность Швеции в общеевропейский контекст делал её важной для русской внешней политики и дипломатии.

Попытки «пристёгивания» шведского королевства к французской колеснице особенно рьяно проявились в период польского кризиса. Инструментом французской пропаганды стало французское посольство, так что Стокгольм в 30-х годах превратился в арену жестокой борьбы русской дипло-

матии с французской. Миф о русской угрозе пал в Швеции на благодатную почву. После поражения в Северной войне шведская дворянская и купеческая элита стали мечтать о возвращении утерянных в ходе войны территорий, и политика реванша надолго овладела умами и шведского правительства, и большинства населения страны.

С 1730 г. русский трон заняла племянница Петра I, бывшая курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Внешней политикой при ней вполне успешно и неизменно руководил граф А. И. Остерман. Фельдмаршал Б. Х. Миних (1683–1767) в это время так оценивал положение в Швеции: «Швеция дала нашей государыне императорский титул; мы не ждём с её стороны никакого беспокойства...» Это, конечно, была слишком оптимистическая и поверхностная оценка, отражавшая текущий момент и не заглядывавшая в будущее. Более реально на Швецию смотрел вице-канцлер Остерман.

На 1731 г. Петербург выделил Головину на раздачу членам риксдага или, как выразились чиновники КИД, «на употребление потребным особам» 10.000 рублей. «Потребные особы» должны были препятствовать выбору неугодного теперь Хорна в ландмаршалы риксдага, которого активно поддерживали французский посланник Шарль Луи де Бьодо Кастеха (1731–1738) и английский посланник Эдвард Финч (Финк) (1728–1739). Последний, доносил Головин в Петербург, получил на подкупы шведской верхушки огромную сумму в 60.000 фунтов и каждый день угощал у себя членов риксрода и канцелярии. Но уже в июле 1731 г. Головин получил из Петербурга инструкции взаимодействовать во всём с Финчем. После 12-летнего противостояния с позиций Ганноверского и Севильского союзов англичане вернулись к сотрудничеству и с русскими, и с австрийцами.

«...Я переведённую ко мне суммою никак не в состоянии отвратить предложения английского двора, — писал Головин, — и, хотя в секретной комиссии находится много доброжелательных персон, однако они мне откровенно... дают знать, чтобы им дано было некоторое награждение, в противном случае они могут пристать и к другой стороне...» Все деньги Головин раздал влиятельным членам секретной комиссии, но его «лошадка» пришла к финишу последней. Впрочем, трудно сказать, насколько сильно на процесс выборов влияли деньги иностранных дипломатов, но Головин во всяком случае оказался в проигрыше, и в ландмаршалы (спикеры) был избран Хорн. Нарушив данное посланнику «дружеское» слово, новый ландмаршал стал избегать встреч с ним, ссылаясь на то, что его положение не позволяет ему сноситься с иностранными министрами. Всё это было шито белыми нитками, потому что положение Хорна нимало не мешало ему, в частности, сколько угодно встречаться с графом Кастехой.

Вместо себя Хорн отправил к Головину гоф-канцлера фон Кохена. Тот интересовался, не могла бы Россия взять на себя выплату шведских долгов Голландии. Головин ответил: если Швеция продемонстрирует дружеское

расположение к России, то, возможно, императрица Анна Иоанновна и рассмотрит этот вопрос положительно. «Что ж Швеции надобно для этого сделать?» — спросил гоф-канцлер. «Возобновить союз с Россией, — ответил Головин. — Изготовьте проект, я его отправлю к своему двору».

Члены секретной комиссии риксдага, по мнению Головина, вроде бы горячо поддержали предложение русского посланника, однако вмешался ландмаршал и предложил с этим проектом «не торопиться». О приверженности союзу с Россией начал говорить и король Фредрик, неожиданно посетивший русского посланника. Прибыв в 6 часов вечера на ужин, король просидел у посланника до 2 часов ночи. Это случилось во время сессии риксдага, и Николай Фёдорович выразил мнение: момент для возобновления договора о союзе двух государств наступил весьма подходящий. Король согласился с этим, но сослался на беспомощность, поскольку в Швеции слишком много других «королей», которым и принадлежит решающее слово в таких делах. Вопрос о возобновлении союза с Россией пока не входил в конъюнктурные планы «других королей», т.е. шведского правительства и секретной комиссии риксдага, и им пришлось заниматься уже преемнику Н. Ф. Головина, всё тому же М. П. Бестужеву-Рюмину.

Когда Михаил Петрович Бестужев-Рюмин в конце 1731 г. во второй раз появился в Стокгольме, он обнаружил: в стране многое изменилось. Русское влияние усилиями А. Хорна в 1726-1727 гг. сильно подорвано, причём, не последнюю роль в этом сыграли подачки шведского посла в Петербурге Г. Седеркройца А. Д. Меншикову. Голштинская партия после прихода к власти Анны Иоанновны утратила значение и в России. Члены шведского правительства, не переставая брать у русского посла деньги, стали явно склоняться к заключению союза с Францией. Правда, к моменту появления Бестужева положение Франции в Швеции слегка пошатнулось, и Париж, ввиду развала Ганноверского союза и сближения Англии и Голландии с Австрией, оказался на какое-то время изолированным.

Союз России с Данией оказался большим сюрпризом для Швеции, и шведское правительство «отомстило» русскому, заключив без согласования с Петербургом мир с Польшей, нарушив тем самым одно из положений Ништадтского мирного договора, согласно которому такой мир мог быть заключён только при участии России. Так что, вопреки оценке Миниха, положение в Швеции, с точки зрения интересов России, оставалось не таким уж и благоприятным.

Правда, к этому времени у Петербурга стало двумя проблемами меньше — сами собой отпали голштинская и мекленбургская. В 1732 г. дипломаты Австрии и Венгрии провели совместные переговоры с Копенгагеном и договорились компенсировать голштинскому герцогу Карлу Фридриху потерю герцогства двумя миллионами талеров, из которых половину выплачивала Дания, а половину — Россия и Австрия. Герцог заупряился и настаивал на

компенсации территориальной. В результате он потерял на свои земли все права, а Петербург умыл руки.

Другой зять Петра Великого, мекленбургский герцог Карл-Леопольд, за буйный нрав и бесчинства по отношению к подданным был лишён австрийским императором Карлом VI права управлять своим уделом. Петербург долго пытался добиться у Вены прощения Карлу-Леопольду, но император настаивал, чтобы герцог сначала покался. Поскольку буйный герцог каяться отказался, то вопрос завис, пока не скончалась его супруга, племянница Петра Великого, Екатерина Ивановна. Власть перешла формально к их дочери Анне (Елизавете) Леопольдовне, переехавшей в Россию, вышедшей замуж за принца Брауншвейгского Антона-Ульриха и родившей в 1740 г. наследника российского трона Иоанна Антоновича (Ивана VI).

Более-менее плавный ход русско-шведских отношений нарушился в конце 1732 г., когда скончался Август II Сильный, курфюрст саксонский и король польский, и на польский трон стали претендовать сын умершего Август III и ставленник Версаля Станислав Лещинский, уже побывавший на польском троне благодаря штыкам шведской армии Карла XII и силовой дипломатии Арвида Хорна, тогда боевого генерала и командира отряда драбантов короля. Французский посол Шарль де Кастеха, усердно обрабатывавший А. Хорна в пользу вмешательства Швеции в борьбе за польское наследство, особо бурную деятельность развил в Стокгольме именно в 1733–1734 гг.

Перед Бестужевым стояла задача обеспечить мир на северном фланге, чтобы облегчить положение России в центре Европы (Польша) и на юге (Турция). Первые впечатления посла свидетельствовали, что шведский двор, правительство и многие рядовые шведы однозначно склонялись к поддержке кандидатуры Лещинского, обратившегося к шведскому королю с призывом поддержать его кандидатуру. «По обстоятельствам и по разговорам здешних министров и прочих знатных персон надобно думать, что двор шведский по всякой возможности будет помогать Лещинскому», — докладывал Бестужев. Но одновременно посол видел: Швеция не в состоянии играть самостоятельную роль в Польше без посторонней дипломатической и финансовой помощи. Президент канцелярии тоже не был настроен в пользу безоговорочного ангажемента — страна не в состоянии помочь Лещинскому даже деньгами. Да и Франция, по оценкам Бестужева, будет проявлять по отношению к своему кандидату сдержанность и скупость. Как мы увидим, прогноз этот подтвердился на практике. С. Г. Нелипович писал, что большое сдерживающее влияние на Стокгольм в это время оказывала и Вена.

Петербург при поддержке Вены продвигал на польский трон Августа III, личность бесцветную, но вполне устраивавшую русскую сторону. Большинство поляков поддерживали кандидатуру Лещинского и в августе 1733 г. избрали его королём. Это, по словам Бестужева, произвело в Стокгольме «несказанную радость» — как при дворе, так и в народе. Но радость скоро

утихла. Избрание Лещинского никак не устраивало Петербург. Предвидя возможность создания на западных границах непрерывного кордона, образуемого Турцией, Польшей и Швецией, Россия стала концентрировать войска на литовской границе, а 31 июля фельдмаршал П. П. Лейси (Ласси) с 20-тысячным войском перешёл границу, овладел Литвой и Курляндией, а потом занял всю Польшу.

8 апреля 1734 г. 3-тысячный отряд фельдмаршала под местечком Височин преградил путь 8-тысячному польскому отряду графа А. Тарло, действовавшему на тыловых коммуникациях русского осадного корпуса под Данцигом и направлявшемуся на соединение с французским десантом, разбил его в штыковой атаке и заставил отступить. Эта победа лишила поляков возможности обеспечить благоприятные условия для высадки французского десанта. Убедившись в безнадежности положения, Станислав Лещинский со сторонниками вынужден бежать в Данциг, который потом осадили русские войска под предводительством фельдмаршала Б. Х. Миниха.

В конце октября 1734 г. Кастеха в тайных переговорах с Хорном усердно склонял его, чтобы Швеция на французские деньги послала на помощь осаждённому Данцигу 15–20-тысячный шведский корпус. Но Хорн, несмотря на призывы военных и дворянства, втягиваться в польские события не торопился: его не устраивали ни размеры предлагаемых Парижем военных субсидий, ни невнятная позиция Парижа о возможности направления к берегам Польши морской эскадры (Хорн хорошо понимал: Англия, взявшая в конфликте сторону Австрии, может помешать вылазке французского флота в Балтийском море), ни общий тон переговоров, полный двусмысленности и недоговорённостей. Так что Хорн был настроен к предложениям Кастехи скептически и в предлагаемых Парижем обстоятельствах вёл линию на затягивание времени. Именно в это время Кастеха «положил глаз» на члена риксроды К. Г. Юлленборга и стал с ним встречаться, несмотря на его прошлые контакты с Головиным и Бестужевым-Рюминым.

Кастехе пришлось довольствоваться вербовкой в Швеции добровольцев, благо «безработных» офицеров в стране в это время было достаточно. Но по наблюдениям Бестужева, добровольцев оказалось не так уж и много — чуть более 100 человек: 40 молодых дворян-офицеров и около 80 солдат, выступавших по выданным им паспортам в качестве их лакеев. Петербург, тем не менее, высказал протест по поводу вмешательства в польские дела шведских добровольцев, на что Стокгольм ответил: русские, если захотят, могли бы тоже свободно вербовать добровольцев в свою армию. На этом конфликт был улажен.

В то время как шведский генералитет и офицерство были настроены воинственно и выступали в пользу активного вмешательства в события в Польше, король Фредрик демонстрировал расположение к России, вызывая, по словам Соловьёва, в народе ропот. Когда однажды Бестужев был у короля

в гостях, к нему зашли проститься пажи, мальчишки лет 14–15, завербованные на войну в Польше. Проводив их с Богом, король шепнул русскому посланнику на ухо: «Вот воины, которые едут выручать Данциг, да и между другими, отправляющимися туда, половина негодных».

Впрочем, если верить Веттербергу, то король тайно не отвергал идеи воспользоваться польскими событиями для восстановления былой чести и славы Швеции и возвращения утерянных в Северной войне территорий. А шведские добровольцы в Польше будут брошены французами на произвол судьбы и попадут в Пруссию, где их насильно завербуют в прусскую армию. Этот эпизод станет потом предметом неллицеприятного разбирательства между возмущённым Стокгольмом и Парижем.

Чтобы перебить предложение Парижа, английский посланник в Стокгольме Э. Финч, со своей стороны, сделал шведам выгодное предложение: сформировать шведский корпус на английские деньги и использовать его «для поддержания баланса в Европе», то есть употребить в военных действиях против Франции. Хорн заколебался, чёткого ответа англичанину так и не дал, но и не отмёл его с порога.

В борьбе за польское наследство Россия впервые столкнулась с гегемоном Европы — с враждебно настроенной к ней Францией. Французы попытались помочь осаждённому Данцигу, высадив с кораблей десант. Однако десант почти весь, в составе 4 полков (5000 чел.) и его командира бригадира ле Мот Перузы, попал в плен к фельдмаршалу Миниху. Французский посланник в Варшаве маркиз де Монти, руководивший обороной Данцига, так же, как и Станислав Лещинский, сумел скрыться. Так французские офицеры и солдаты — за 80 лет до вторжения Наполеона в Россию — получили первый наглядный урок силы русского оружия и впервые оказались в русском плену.

Э. Миних в «Записках» пишет, что 30 или 40 шведских офицеров, находившихся при обороне города и взятых фельдмаршалом Б. Х. Минихом в плен, великодушно отправлены на галиоте в Стокгольм. 28 июня 1734 г. после длительной и кровавой осады, при взаимодействии армии Миниха и Балтийского флота, Данциг капитулировал.

Не желая брать на себя ответственность за тайные переговоры с Кастехой, Хорн проинформировал о контактах с французским послом членов правительства и предложил созвать в мае 1734 г. риксдаг, чтобы предложить депутатам возможность решить вопрос об участии Швеции в польских событиях. Настроение министров в этом вопросе тоже оказалось сдержанным, хотя для официальных переговоров были назначены комиссары во главе с президентом канцелярии.

Бестужев, парируя действия французской дипломатии крупными денежными интервенциями, использовал созыв риксдага для того, чтобы попытаться заново сформировать в стране прорусскую партию, делая пока став-

ку на короля и его окружение, в котором, кстати, оказались многие бывшие голштинцы, в частности, Юлленбург и Хёпкен. Это был риксдаг, на котором, как пишет Веттерберг, все поменяли политические взгляды и пристрастия. Юлленбург развернул агитационную работу во всех секциях парламента, угощая на королевские деньги и дворян, и клерикалов, и городских буржуа, и даже распивал чай с крестьянскими депутатами.

Борьба в риксдаге развернулась вокруг избрания ландмаршала — должности, которая приобрела в последнее время большой политический вес. Королевский двор и Юлленбург со сторонниками делали ставку на продвижение на пост ландмаршала риксдага Самюэля Океръельма, но Океръельм проиграл генералу К. Э. Левенхаупту, который не был кандидатом хорнистов, но вполне их устраивал.

После отказа Петербурга защищать притязания голштинского герцога, сдвинулись в благоприятную для нас сторону и симпатии короля Фредрика I. А когда вопрос о польском наследстве был решён в пользу России и Австрии — польским королём с помощью русских штыков снова был «выбран» саксонский курфюрст — и русские интересы в Швеции совпали с английскими, положение Бестужева несколько улучшилось. И, хотя он критиковал Англию за то, что в вопросе о предоставлении шведам субсидий она ограничивалась одними обещаниями, вмешательство Лондона во внутренние дела Швеции возымело нужный положительный эффект. Во всяком случае, оно в определённой степени нейтрализовало действия Кастехи в Стокгольме. Как бы то ни было, влияние англо-русской партии в стране постепенно усиливалось, причём Э. Финчу на какой-то момент удалось установить доверительные отношения с А. Хорном.

Но господство французов над умами шведских политиков продолжалось. В начале 1734 г. Финч докладывал главе Форин Оффис Р. Уолполу (1683–1756), что Швеция благосклонно внимает французским предложениям, в то время как канцлер А. И. Остерман и Э. Бирон через английского резидента в Петербурге Клавдия Рондо просили дать Финчу инструкцию действовать против Кастехи заодно с послом Бестужевым. В апреле лорд Харрингтон проинформировал Рондо, что Финчу в Стокгольм уже направлены указания вместе с Бестужевым решительно препятствовать втягиванию Швеции в польские распри. В конце декабря 1734 г. в Петербурге заключено русско-английское соглашение, и сотрудничество Лондона с Петербургом, таким образом, уже началось. Этому способствовала смерть короля Георга I, находившегося последние годы в неприязненных отношениях с русским двором, и восхождение на английский престол Георга II.

Положение русской стороны, в частности, посла Бестужева, осложнилось тем, что летом 1734 г. к Кастехе перебежал секретарь русского посольства Панов, очевидно, владевший информацией о щекотливых денежных взаимоотношениях посла со шведскими политиками. Тем не менее, как пишет

шведский историк К. Г. Мальмстрём, деятельность иностранных послов, включая Бестужева и Финча, на открывшемся в мае 1734 г. риксдаге была интенсивной. Каждый член риксдага сидел на дотации, полученной либо от французского, либо от английского, либо от русского посла. Странники Хорна повсюду были теснимы сторонниками Юлленборга-Хёпкена, за которыми стоял король.

Прошедшие во время очередной сессии риксдага выборы Бестужев оценил как вполне благоприятные: в ландмаршалы парламента был выбран генерал К. Г. Левенхаупт, не входивший ни в одну из партий, а в секретную комиссию — всего лишь одна треть «подозрительных», остальные вроде бы принадлежали к прокоролевской партии. Большинство депутатов были настроены миролюбиво, что гарантировало нейтралитет Швеции по отношению к польским событиям.

Но в действительности картина была намного сложнее той, которую рисовал посол. Она была подвержена постоянным изменениям, политический флюгер Стокгольма продолжал вращаться с бешеной скоростью, а настроения шведов постоянно менялись, заставляя горячие сердца Бестужева, Кастехи и Финча то лихорадочно биться от радости, то сжиматься от очередной неудачи. Впрочем, главный вектор симпатий в Стокгольме показывал всё-таки на Париж.

24 сентября 1734 г. Швеция, как бы парируя военно-дипломатический успех России в Польше, заключила договор с Данией о военно-политическом союзе, отвергнув пока и предложения Бестужева о продлении договора 1724 г., и Кастехи и Финча о субсидиях. При этом Швеция легко отказалась от гарантий шлезвигского вопроса. Конечно, всем было ясно: этот союз направлен, как минимум, против возможной агрессии России на Скандинавском полуострове. Веттерберг пишет: шведско-датский союз был частью общего плана Франции и Швеции связать русскую армию на северном фланге в случае вступления Швеции в войну с Россией. Швеции тогда требовалось обезопасить западный и южный фланг. Одновременно союз с датчанами служил признаком разочарования шведов во французах.

Но русская опасность в очередной раз была переоценена: России в этот момент было не до шведов. В конечном итоге акции Кастехи на стокгольмской «бирже» пошатнулись. На завершающей фазе конфликта в Польше, во время осады русскими войсками Данцига, в котором укрылся Станислав Лещинский, Франция начала проводить по отношению к шведам двойную политику. Призывая их теперь оказать помощь осаждённому Данцигу, она одновременно начала тайные переговоры с Россией, чтобы та согласилась признать польским королём Лещинского в обмен на признание Францией русских завоеваний в Прибалтике. Позже, когда французский десант под Данцигом попал в плен к русским, тайные контакты с Петербургом стали ещё более необходимы для Парижа.

Хорну и многим другим шведским политикам стало очевидно: французы хотят столкнуть Швецию с Россией, не взяв на себя никаких обязательств. Выяснилось: польское наследство волновало Париж только для того, чтобы нанести ущерб Австрии. Если бы попутно удалось посадить на польский трон Лещинского и втянуть шведов на его сторону, то для французской стороны это стало бы только дополнительным плюсом. Швеция рассматривалась всего лишь в качестве разменной карты в далеко идущих планах Франции. Разочарованный Хорн даже высказался в пользу продления русско-шведского оборонительного союза. На заседании канцелярии 26 ноября он сделал недвусмысленное заявление: предложение Франции опасно для Швеции, в то время как дружба с морскими державами даёт стране безопасность, которую не даёт Франция.

Впрочем, искренней дружбы с Англией у шведов тоже не было. В Стокгольме понимали: англичане и пальцем не пошевелили бы для того, чтобы помочь шведам вернуть утраченные прибалтийские земли. Лондон мог прийти им на помощь только при возникновении угрозы существованию Швеции как государства. В остальном Швеция интересовала Англию только как торговый партнёр и поставщик железа.

К осени 1734 г. де Кастехе с помощью денежных подачек всё-таки удалось в основном сформировать послушную Версалю и враждебную России партию, которая заявит о себе во весь голос на риксдаге 1738 г. Она на протяжении последующих десятилетий будет определять внешнюю и внутреннюю политику страны, которая, по мнению Мальмстрёма, причинила шведским национальным интересам непоправимый ущерб. Слепая ненависть к России и желание добиться реванша за проигранную войну перевесили временную неприязнь шведов к Франции. Интересно проследить обстоятельства эволюции К. Г. Юлленборга, будущего президента канцелярии. Как ни странно, но главную роль в его политическом восхождении сыграла любовь Фредрика I к 16-летней адмиральской дочери фрёкен Хедвиг Элисабет Таубе. Воспылавший страстью король в 1734 г. стал часто посещать круг знакомых семьи адмирала Таубе, в который входил и Юлленборг, вице-президент канцелярии, но находившийся уже в оппозиции к Хорну. Любовь короля стала притчей во языцех, и Хорн сделал ему замечание. Поступок президента канцелярии Фредрик воспринял как вмешательство в его личные дела, королевские прерогативы и закусил удила. Он без консультаций с риксродом и вопреки его рекомендациям стал налево и направо раздавать должности, продвигая в первую очередь семью и друзей Таубе. Между правительством и королём назрел конфликт, которым и воспользовался Юлленборг, взяв короля под защиту. На риксдаге 1734 г. Юлленборг и его сторонники, в основном бывшие голштинцы, уже открыто выступили против Хорна, обвиняя его в английском уклоне и пренебрежении Россией.

Интересно: реальные вожди ещё зарождавшейся «партии шляп» Карл Густав Юлленборг и барон Даниэль Никлас фон Хёпкен, связанные в это время

с проавстрийской партией короля Фредрика I и пытавшиеся с её помощью свалить Хорна, держались на первых порах от французского посла подальше. Более того, они даже поддерживали регулярные контакты с Бестужевым и не гнушались брать от него деньги. Напрасно Э. Финч предупреждал русского коллегу о контактах с этими «знатными персонами» — Бестужев, создавая прорусскую партию, стал сблизиться именно с ними! Он докладывал в Петербург: их симпатии к Франции мотивируются не доброжелательством к ней или ненавистью к России, а их враждой к Хорну и ненавистью к Англии. Во-первых, это была слишком зыбкая и неустойчивая база для выстраивания долгосрочных отношений, а во-вторых — что более важно — это мало соответствовало действительности. Кто же такие Юлленбург и Хёпкен, сначала так понравившиеся Бестужеву и сыгравшие одну из главных ролей в русско-шведских отношениях в последующие годы?

Юлленбург (1679–1746), выходец из средних слоёв дворянства, ещё в начале века начал дипломатическую карьеру секретарём шведской миссии в Лондоне. В последние годы правления Карла XII он, возглавляя уже там шведскую миссию, оказался замешанным в якобитский заговор против короля Георга I, был арестован, посажен в тюрьму и отпущен домой после вмешательства короля Швеции. С тех пор он стал ярым противником Англии. Поговаривали, что его супруга в этой ненависти не имела себе равных. Но Юлленбург был не только англофобом, но и ярим русофобом. Бестужев-Рюмин не знал: в бытность послом Швеции в Лондоне он в 1716 г. тот выпустил брошюру под названием «Северный кризис или беспристрастные суждения о политике царя». Беспристрастностью в ней, естественно, и не пахло. Царь Пётр изображён как деспот, алчный и честолюбивый властитель, занятый увеличением богатства и территории России за счёт других народов. Пётр — главный зачинщик Северной войны и её непомерного затягивания. Чтобы достичь господства в Балтийском море, он способствовал взаимному уничтожению шведского и датского флотов. Юлленбург пугает англичан проникновением русских в Турцию и Персию, а европейцев — распространением русского влияния в Германии. Вывод однозначен: царь и Россия стали угрозой спокойствия не только соседей, но и всей Европы. Так что миф о всеобщей угрозе Европе со стороны России возник задолго до появления упоминавшихся «Московских писем» француза Ф. Локателли.

После возвращения из лондонской тюрьмы Юлленбург стал заместителем Гёртца на мирных переговорах с Россией на Аландских островах в 1717–1718 гг., а после смерти Карла XII оппонировал Хорну на выборах ландмаршала риксадага, но проиграл. Затем в 1723 г. на плечах голштинской партии он вошёл в правительство, где вдруг стал рьяным поборником России и противником Ганноверского союза. В 1727 г. риксдаг отстранил его от участия во внешних делах, и тогда он втёрся в доверие к королю Фредрику I и стал его любимчиком.

Это была типичная чиновничья посредственность, больше ловкий интриган и царедворец нежели политик. «Его способности как государственного человека далеко не соответствовали его страсти к власти, — писал о нём Мальмстрём. — Его вряд ли можно было назвать партийным вождём; партия, которая носила его имя, на самом деле руководили другие люди».

Одним из таких «других людей» был барон Даниэль Никлас фон Хёпкен (р. 1669), бременский немец на шведской службе, сторонник голштинской партии, сделавший карьеру за столами канцелярий и комиссий и показавшийся русскому послу Долгорукому «острым» человеком ещё в 1726 г. Он медленно, но верно пробирался наверх в лабиринте чиновничьих палат и коридоров, стал бароном и на всех ступенях карьеры выказывал острый государственный ум, признаваемый и друзьями, и врагами. «Хёпкен любил больше скрытое и замысловатое, чем открытые и прямые пути, — писал Мальмстрём, — он предпочитал действовать и быть при этом невидимым, и та политика, которую называли юлленборговской, была главным образом хёпкенской... Что касается его корыстолюбия, то он далеко превзошёл в этом Юлленборга».

Особых принципов ни у того, ни другого на не было. Их объединяло желание во что бы то ни стало убрать с политической сцены неподкупного (якобы) Арвида Хорна. Вот типичное высказывание Юлленборга в 1725 г., когда он будущее страны связывал с союзом с Россией: «Если Швеции суждено вновь подняться на ноги, то это произойдёт не иначе, как в результате войны между другими нациями». А вот ещё одно — уже за 1734 г., когда он уже полностью продался Франции: «Я всегда полагал, что вода должна быть очень мутной, прежде чем мы решимся ловить в ней рыбку». Создавать беспорядок и смуту — вот вершина его государственной мудрости, суммирует качества Юлленборга Мальмстрём. И вот на таких политиканов приходилось делать ставку русским послам. К сожалению, более «благонамеренных» вокруг не было. Кстати, именно Юлленборга следует, очевидно, считать автором возникновения партии, которую потом назвали «партией (дворянских) шляп» в отличие от её противников — вялых безынициативных (крестьянских) «колпаков». Началось, кажется, с учреждения «Clobb» (клуба) — места, в котором Юлленборг и его единомышленники накануне созыва очередного, 1734 г., риксдага обменивались мнениями о способах вытеснения Хорна и его сторонников из власти. Юлленборг и Хёпкен действовали пока под прикрытием королевского двора.

Если на первых порах посольства в Швеции основные усилия де Кастехи были направлены на «обработку» сильного и независимого Хорна, стоявшего в оппозиции к королю Фредрику и его сторонникам, то потом, когда станет ясным водораздел между Юлленборгом-Хёпкеном и Хорном, когда мутная водица отстоится, а Юлленборг и Хёпкен открыто возьмут французскую сторону, француз будет делать ставку на этих «новых» людей. К тому же ему

поздним летом или ранней осенью 1734 г. удалось приобрести в канцелярии президента платного агента, секретаря Леонхарда Клинковстрёма, и он мог следить за внутренней работой шведского правительства, не нуждаясь в получении информации от самого его главы.

После риксдага 1734 г. пик карьеры Хорна был пройден. Он должен был теперь примириться с королём, терпеть горлопанов из лагеря Юлленборга и вместе с вновь избранным ландмаршалом генералом Левенхауптом пытаться оказывать на риксдаг и правительство сдерживающее влияние. Юлленборг-Хёпкен, наоборот — после примирения Хорна с Фредриком стали дистанцироваться от короля и начали дрейф в сторону Франции.

Хорн на сессии риксдага 1734 г. попытался «организовать» против Юлленборга дело по типу дел М. Веллингга и Ю. Седеръельма, но избранные в секретную комиссию и риксрод единомышленники Юлленборга задушили все попытки в зародыше, не дав им развиваться. Время теперь работало против него. К тому же он стал стар, дряхл и немощен и много времени проводил в поместье, предоставляя заниматься государственными делами заместителю Густаву Бонде. 22 октября он подал прошение об отставке, явно надеясь: все примутся уговаривать его остаться. Так и получилось, хотя в среде сторонников Юлленборга уже раздавались голоса с предложением удовлетворить прошение президента канцелярии. Хорн на сей раз остался, но время его безвозвратно уходило.

В начале 1735 г. Бестужеву удалось добыть важный документ — ответ секретной комиссии риксдага на секретные предложения короля Фредрика по вопросам внешней политики Швеции. Раздел о России — центральный — содержал следующее положение: «Она похитила у нас все наши крепости и защиты, привела нас в нетерпимую зависимость от себя и в такое опасное положение, что и сама столица подвержена её нападениям и угрозам». А раз так, то против восточного соседа «справедливо принимать всякие меры», пока не будет обеспечена безопасность Швеции. Но поскольку финансовое и военное положение Швеции было слабым, недостаточным и не позволяло достигнуть этой цели, секретная комиссия предлагала ждать выгодной конъюнктуры, предлагая пока России видимость доверия и дружбы. Комиссия рекомендовала королю не заключать с Россией союза, чтобы не связывать на будущее руки шведским военным. Интересы Швеции требовали защищать короля Станислава Лещинского и сохранять дружеские отношения с Францией, хотя Франция не раз показывала: шведские интересы для неё — не самые важные. Но только Франция в состоянии поддерживать Швецию материально и оказывать ей помощь. Отношения с турками для шведов так же важны, как отношения с французами, поскольку они позволяли ограничивать силу и мощь России.

Это был программный документ или, как мы сейчас бы сказали, доктрина, определяющая внешнюю политику Швеции на многие годы. Можно

предположить: у русского посланника в секретной комиссии или в правительстве «завёлся» важный агент — не исключено, что вышеприведённые слова принадлежали именно этому человеку. Забегая вперёд, отметим: этой доктрины шведы придерживались долгие годы, до эпохи наполеоновских войн. В последовательности и упорстве шведам не откажешь. Понятное дело, в Петербурге этому документу придали соответствующее значение.

Один из анонимных членов секретной комиссии отозвался о шведском внешнеполитическом курсе по отношению к России иронически: «Мы всё ждём революции в России, ждём уже 14 лет и никак не дождёмся; видно, мы до тех пор будем ждать, пока на Россию не упадёт небо и всех не задавит; вот тогда нам полезная конъюнктура будет».

В июне 1735 г. де Кастеха сделал шведам выгодное предложение о выплате военных субсидий, выдвинув лишь одно требование: Швеция никоим образом не должна была вступать во внешние связи, противоречащие интересам Франции. 14 июня 1735 г. шведско-французская военная конвенция была подписана, и в Париж направлен эмиссар Нильс Пальмшерна для её ратификации. Но французское правительство конвенцию так и не ратифицировало. Веттерберг указывает на две причины: примирение Парижа с Венной и продление Швецией договора с Россией.

Но не исключено: всё произошло как раз наоборот — именно задержка Парижем ратификации военной конвенции ускорило решение шведов возобновить союзный договор с русскими. Отвергнуть предложение Петербурга о перезаключении договора Хорн уже не мог: это означало бы оказаться в неопределённом положении. Отказ к тому же слишком насторожил бы русскую сторону относительно истинных намерений шведов, особенно теперь, когда судьба военной конвенции с Францией ещё находилась в стадии решения. К тому же русское предложение выглядело выгодным: обновлённый вариант договора снимал прежние требования к Швеции относительно прав голштинских герцогов и давал шведам возможность беспошлинно вывозить из русских портов зерно. Кроме того, Россия брала на себя обязательство выплатить — таки Голландии оставшиеся долги Карла XII! Мнимая благожелательность Стокгольма обходилась России недёшево...

Во время переговоров с Бестужевым шведская сторона потребовала, чтобы события в Польше не были включены в текст договора в качестве *casus foederis*, т.е. не рассматривалось бы как союзное обязательство. Бестужев ответил: согласен подписать такой договор на апробацию императрицы Анны Иоанновны, т.е. предоставить текст на одобрение Петербурга. Арвид Хорн заявил — задержка с подписанием может дать профранцузской партии лишнюю возможность помешать оному, и наоборот, немедленное подписание текста в надежде на одобрение русской императрицей может отбить охоту у французов на предоставлении Швеции субсидий. Таким образом, Хорн давал понять: он якобы полностью на русской стороне, и возобновление союзного договора с Россией для

него важнее французских субсидий. Возможно, на тот момент так оно и было. Хорну важно было не упустить выгодный трактат с русскими, а французские субсидии, как он полагал, от шведов не уйдут. И был, конечно, прав.

Граф Арвид Хорн заявил Бестужеву: скупость английского двора заставляет шведов против их воли принять французские субсидии. Михаил Петрович, по-видимому, принимал такие заявления за чистую монету, потому что в донесениях в Петербург искренно ругал англичан за пассивное поведение в Швеции.

А шведы не видели в союзе с русскими никакого противоречия с обязательствами, вытекающими для них из конвенции с Францией. Они страховали себя со стороны России и получали от неё определённые выгоды и продолжали мечтать о реванше за поражение в Северной войне. «Способ действия Хорна в этом деле довольно ясен, — пишет Мальмстрём. — Обвинять его в неподобающей уступчивости России было бы наивно. Он, который в 1726 и 1727 гг. уничтожил влияние России в Швеции, был и считался с тех пор самым её решительным врагом; его враждебность была намного опаснее, потому что не была слепой, а хорошо обдуманной и осторожной». Он выступал за мир — пока, но это вовсе не означало, что при некоторых благоприятных обстоятельствах он не решится на войну в интересах будущей безопасности Швеции. Именно Хорн в 1727 г., будучи ландмаршалом риксдага, добился принятия секретного приложения к закону, позволявшему королю Швеции без согласования с парламентом объявлять войну России. Это он в 1733–1734 гг. желал союза с Францией, чтобы нанести урон действиям России в Польше, но убедившись в отсутствии соответствующих предпосылок к этому, от заключения договора с Парижем отказался. Впрочем, двойная страховка Хорна не сработала, потому что военная конвенция с Францией так и не была ратифицирована Парижем.

Бестужев уступил уговорам Хорна и на свой страх и риск подписал документ. Де Кастеха вредил ходу русско-шведских переговоров до последнего часа. Он добился того, чтобы на заседании правительства было прочитано послание хранителя печати Франции, в котором говорилось: договор с Россией представляет для Швеции огромный вред, Россия в польской войне выдохлась, Турция готова объявить ей войну, и, если Швеция вместе с Османской Портой выступит против России, то Константинополь будет готов не только простить ей долги Карла XII, но и выплачивать большие субсидии на содержание армии. Но тут проявил твёрдость Хорн, призвавший министров не верить всяким слухам и помнить о непостоянстве турок. Шведы твёрдо заявили французам: они вольны в выборе друзей и союзников. Им достаточно испытать давление со стороны победивших их русских, но терпеть диктат от французских друзей — тоже выше их достоинства.

После длительных дискуссий русско-шведский договор с помощью Финча и при содействии короля и Хорна 5 августа 1736 г., наконец, был подписан

шведской стороной. Действие русско-шведского союзного договора удалось продлить ещё на 12 лет. За подписание договора Бестужеву-Рюмину последовало вознаграждение. Кроме денежной награды в сумме 10 000 рублей, Анна Иоанновна пожаловала ему чин тайного советника и повысила ежегодное содержание с 6000 до 10 000 рублей. Шведское правительство поспешило напечатать текст договора, но профранцузская партия скупил почти все экземпляры текста и уничтожила их. Продление русско-шведского договора прошло, таким образом, для шведского населения почти незамеченным.

В Петербурге сочли нужным отблагодарить Хорна, к Бестужеву для него отправлены богатые подарки. Тот для вида сначала отказывался принять их, но, в конце концов, согласился взять, обставив эту процедуру тщательными мерами предосторожности, похожими на китайскую церемонию. В апрельский день 1737 г. к Бестужеву явился хофмейстер Горна и представил ему банковскую ассигнацию, имитируя, таким образом, покупку подарков за деньги. Бестужев принял ассигнацию, вручил хофмейстеру подарки и выдал ему в этом квитанцию. А на другой день Михаил Петрович поехал к Горну и вернул ассигнацию назад. Имидж неподкупности требовал соблюдения особого церемониала!

Охлаждению отношений с Францией помогло поведение Кастехи. Чашей, переполнившей терпение шведов, стал меморандум Кастехи, поданный шведскому правительству 18 января 1736 г. В нём Версаль, нимало не смущаясь, возлагал вину за неудачи в Данциге и за срыв военной конвенции на... Швецию, которая подписала с Россией союзный договор. Ответ шведского правительства французскому кабинету от 23 марта был резок и жёсток. Стокгольм отверг французские несправедливые обвинения и, в свою очередь, указал на двуличные и предательские действия Парижа и в 1717 г., и в польском деле 1733 г., когда французы вступали в тайные переговоры с Россией в ущерб интересам Швеции. Хорн заявил: впредь не намерен встречаться с Кастехой и поставил его дальнейшее пребывание в Швеции под сомнение.

Масла в огонь подлил т.н. памфлет Юхана Аркенхольца, сотрудника канцелярии правительства, в котором в самых резких тонах характеризовался глава внешнеполитического ведомства Франции Андре Эркюль де Флэри (1653–1743). О существовании памфлета в шведском правительстве не знали до тех пор, пока он не стал циркулировать по стране. Виновником публикации памфлета стали Юлленбург и Хёпкен: воспользовавшись тем, что Аркенхольц дал почитать рукопись кому-то из знакомых, «шляпы» без его ведома опубликовали её и стали распространять по шведским городам и весям. Их цель состояла в том, чтобы скомпрометировать правительство Хорна в глазах французов и заставить его уйти с поста. А французы, как они рассчитывали, от них не уйдут.

Потом навалилось скандальное дело шведских офицеров, добровольно отправившихся защищать С. Лещинского в Данциге, а затем брошенных на произвол судьбы французскими покровителями. Как мы уже сообщали, эти

шведы насильно были завербованы в прусскую армию. Шведскому правительству пришлось выкупать соотечественников и делать соответствующее представление Кастехе.

Но для Кастехи все эти представления — как с гуся вода. Закусив удила, обзлившись на Хорна и членов его правительства, он чуть ли не открыто продолжал подстрекательские и подрывные действия, нарушив все существующие для иностранных дипломатов нормы. Пользуясь услугами Клинковстрёма и читая практически все секретные документы Хорна, членов его кабинета и реляции шведского посла в Париже Никласа Петера фон Едды, он стал сочинять тезисы для ответов, которые Едда должен был от имени правительства Швеции давать правительству Франции. В этом ему, кроме Клинковстрёма, активно помогали Юлленборг и Хёпкен.

Но не было худа без добра: благородный и последовательный сэра Эдвард Финч постоянно держал Хорна в курсе дела. Секрет Интеллидженс Сервис завела во французском кабинете в Париже важного агента, который, как и шведский Клинковстрём, передавал англичанам всю важную документацию о деятельности кабинета, включая переписку Кастехи со своим центром. Таким образом Хорн узнал много о закулисной деятельности французов в Швеции, в том числе и фамилию секретного агента Клинковстрёма, и естественно, отвечал Финчу взаимностью и доверием.

К сожалению, пишет Мальмстрём, сторонники Хорна не отличались особой активностью, государственным умом и ни в каком отношении не могли сравниться с вождём. Последние годы Хорн мог лишь полагаться на гоф-канцлера фон Кохена, начавшего секретарско-дипломатическую карьеру ещё при Карле XII в Турции, и на советника канцелярии Нереса, но, как иронизирует Мальмстрём, их значение в правительстве состояло лишь в интенсивности нападков на них со стороны «шляп». На риксдаге 1738 г. и Кохен, и Нерес будут изгнаны Юлленборгом из правительства как «агенты Англии».

Кастеха ещё много попортил крови Хорну, шведскому правительству и королю, прежде чем Фредрик I, возмущённый очередной бестактностью французского посла, не обратился с письмом к французскому собрату Людовику XV и не потребовал отозвать посланника домой. Но и после этого обращения Версаль тянул с официальной заменой Кастехи ещё несколько месяцев. Наконец, в ноябре 1737 г. в Стокгольм прибыла его замена — граф Альфонс Мари Луи д'Арагон де Сен-Северин, а Кастеха остался в Швеции в качестве частного лица до нового 1738 г. Как печально замечает Мальмстрём, с Кастехой, проработавшим в Швеции около 10 лет, в Швеции началась целая эпоха, ознаменовавшаяся беспардонным вмешательством иностранных дипломатов во внутренние шведские дела, эпоха, в которой иностранные посланники выступали в роли вождей шведских партий.

В это же время из Вены вернулся шведский посол граф Карл Густав Тессин, сразу ставший в центр политической борьбы, развернувшейся накануне

не созыва риксдага. Он примкнул к группе Юлленборга-Хёпкена и стал коти-роваться на пост ландмаршала риксдага. Это вызвало недовольство королевы Ульрики Элеоноры, которая высказалась против выдвижения графа на эту должность. Высказывание королевы вызвало бурю возмущения во всех слоях и политических группировках, особенно среди сторонников Юлленборга. Он уже открыто выступал против партии королевского двора, поскольку Фредрик дал себя уговорить примириться с Хорном. В результате Тессин с огромным преимуществом перед другими кандидатами был избран на пост ландмаршала.

Французский посланник, между тем, пользовался большой популярностью у шведской дворянской молодёжи. Как сказал Хорн, вино из погреба де Кастехи опьянило шведскую молодёжь, и надобно было дать ей теперь вытрезвиться. К молодёжи, как сообщает Соловьёв, присоединились стокгольмские дамы. Отличительным признаком противоборствующих групп стали застольные тосты: партия, выступавшая за немедленную войну с Россией и возглавляемая графинями Ливен, Делагарди и баронессой Будденброк, провозглашала тост: «Was wir lieben!», в то время как графиня Бонде опрокидывала бокал при тосте «Ich denke es mir!» Не проходило ни одной пирушки, на которой из-за этих глупых тостов не происходили бы ссоры и скандалы. Молодые люди, чтобы оттенить героизм упомянутых дам, стали дарить им ленты, табакерки и игольники, оформленные в виде мужских шляп. Отсюда, пишет Соловьёв, партия войны получила название «партии шляп», в то время как партию мира стали называть «партией ночных колпаков». Эти тосты стали достоянием не только дворянских пирушек, но проникли во все слои населения, и названия партий укрепились в сознании всех шведов.

Г. Веттерберг приводит иное объяснение, основанное на воспоминаниях А. Рейтерхольма, свидетеля того времени. Накануне Рождества 1738 г. сторонники Юлленборга придумали медаль, изображавшую стол, под которым валялись эмблемы четырёх шведских сословий (шпага, книга, чаша весов и серп) и жезл ландмаршала риксдага. Тут же под столом стоял ночной горшок, из которого торчал ночной колпак. Рядом со столом стоял обелиск, украшенный лавром и пальмовыми ветвями и увенчанный шляпой. К шляпе простиралась рука с лавровым венком и надписью *dignum virtutis praeium* (достойное вознаграждение добродетели). Шляпа была избрана знаком партии Юлленборга на риксдаге, а его противники, сторонники Хорна и короля, получили кличку «ночных колпаков».

Турецкая авантюра

Франция и Швеция, издревле весьма вредные для нас,
интриги при Порте производили.

А. П. Бестужев-Рюмин

В это же самое время Стокгольм едва не поддался на новое авантюрное предложение, поступившее от Турции. Порта предложила шведам погасить

старые долги, наделанные ещё Карлом XII, и заключить наступательный союз против России. У шведов посла в Стамбуле не было, и все переговоры с турками, а вернее, с принявшим ислам французом Клодом Бонневалем (он же Ахмед-паша), вели два юных шведа — А. Ю. Хёпкен (сын политика) и Карлсон, оказавшиеся в Турции с торговой миссией. Хорн расценил это предложение как опасное и авантюрное и спустил дело на тормозах.

Реваншистские настроения «шляп» в значительной степени подогревались событиями, связанными со вступлением России в войну с Турцией. После решения вопроса о польском престолонаследии в свою пользу (1733–1735) Россия была вынуждена обратить внимание на наглые и беспрецедентные действия турецкого союзника — крымского хана, прошедшего с ордой через северо-кавказские территории России на войну с Персией. В результате в 1736 г. началась дорогостоящая и не во всём успешная война с турками (1736–1739), в которой неудачное участие приняла также и Австрия. Русско-турецкая война завершилась подписанием в Белграде 18.09.1739 невыгодного для России мира, «организованного» французским послом в Константинополе маркизом де Вильнёвом, который сводил на нет все завоевания русской армии в Крыму, на Дунае и в Молдавии. Подвела Австрия, нарушившая союзные обязательства перед Россией и вступившая с турками в сепаратные переговоры. «Судя по тогдашним обстоятельствам, наверное, полагать можно, что Россия одна в состоянии была с турками управиться, — пишет Э. Миних, — если бы в том же году шведы, подущением Франции, не приготовились вступить в Финляндию...»

Когда началась русско-турецкая война, в которой на стороне России выступила Австрия, энтузиазм шведов поулег, и дело ограничилось заключением с Турцией торгового соглашения. Пример с Турцией показал, как накалились в Швеции реваншистские страсти, и как мало она подготовлена к каким бы то ни было военным или политическим шагам на европейской арене.

...А Бестужев всё-таки попался в ловушку, расставленную ему Кастехой. Ловкий, циничный и дерзкий представитель Версаля, чтобы посеять недоверие между Бестужевым и Финчем, стал усиленно предлагать русскому посланнику дружбу. В значительной степени попытки француза увенчались успехом. Михаил Петрович, несмотря на предостережения Финча и английского посла в Петербурге Рондо, начал писать в Петербург о «добром расположении версальского двора», которому он был склонен верить. Поводом для недоверия к англичанам послужила самовольная и недружественная акция английского посланника в Константинополе, пообещавшего Порте шведскую помощь. И, хотя Лондон дезавуировал действия дипломата, дело было сделано: между Бестужевым и Финчем пробежала кошка.

Между тем русский посол Антиох Кантемир докладывал из Парижа о двуличном поведении французского правительства по отношению к России,

в том числе и в Швеции. На словах кардинал Флёри рассыпался в изъявлениях дружбы, а на деле проводил линию на нанесение русской стороне всяческого ущерба в Швеции и натравливал шведское правительство на восточного соседа. Новый французский посол в Стокгольме граф Сен-Северин, в отличие от предшественника, проявлял чрезвычайную осторожность и в деле поддержки профранцузской партии — действовал конспиративно, заявляя всем и всюду о соблюдении миссией в Швеции строгого нейтралитета. Бестужев «клянул» на эту приманку француза и стал писать в Петербург успокоительные отчёты о том, что французское влияние в Швеции стало сходить на нет. Определённое влияние на эти оценки оказала и посредническая миссия Вильнёва при заключении Белградского мира. Профранцузская партия в Швеции пришла в замешательство и недоумение, которое, однако, скоро прошло после того, как стало ясно: Франция спасала Порту от разгрома русской армией и сохраняла её военный потенциал на будущее.

Временное заблуждение относительно Хорна, французов и недоверие к англичанам стало, конечно, недопустимым просчётом Бестужева и преждевременным ослаблением бдительности. По всей видимости, его сбили с толку массовые случаи смены шведами политической окраски. Неопределённая ситуация в Швеции сохранилась вплоть до 1738 г., когда в Стокгольме вновь собрался риксдаг, и внешнеполитические страсти закипели с новой силой. К этому времени одряхлевший Хорн уже собрался в отставку, и риксдаг с правительством попадали под контроль воинственных, демагогичных, крикливых и малокомпетентных «шляп». На бурных заседаниях риксдага верх стали брать единомышленники Юлленборга и Хёпкена, кандидат партии Хорна на пост ландмаршала Пальмфельдт потерпел поражение, и на этот пост, как мы уже упоминали, был выбран граф К. Г. Тессин. В секретную комиссию, узурпировавшую безраздельное право заниматься внешними делами, вошли молодые, энергичные, но безответственные представители партии войны. Сен-Северин сбросил маску и открыто выступил в пользу тройственного антирусского военного союза Франции с Данией и Швецией в противовес англо-русскому соглашению о взаимодействии на севере Европы. Чтобы свергнуть негодное Версалю правительство, профранцузская партия решила лишить «колпаков» поддержки короля, для чего устроила травлю его любовницы фрёкен Хедвиг Таубе. Из Константинополя пришло повторное предложение шведам о заключении наступательного союза против России. Хорн — во избежание лишнего шума — попросил русского посланника на некоторое время прекратить общение.

«Поддай, Всевышний, добрых известий из армии вашего величества», — писал огорчённый развитием событий Бестужев Анне Иоанновне, имея в виду известия с полей сражения с турками. Он всё ещё находился в плену иллюзий относительно действий Сен-Северина в Стокгольме. «Я не слышу, чтоб французский посол побуждал здешний народ к войне против России», — писал он далее в отчёте. А 30 июня он донёс в Петербург, что, по решению

секретной комиссии, Швеция в счёт долга Карла XII собирается отправить в Константинополь морем 10 000 мушкетеров.

Именно в это же время начались переговоры с турками. Бестужев внимательно следил за всеми телодвижениями шведского правительства, используя для этого не только официальные связи, но и агентуру. Шведско-русские отношения всегда характеризовались стабильной напряжённостью, но время от времени обострялись неприятными мелкими эпизодами. Так, зимой 1738 г. по приказу Анны Иоанновны был объявлен персоной нон-грата и выслан из России секретарь шведского посольства Мориан. Императрица вдогонку Мориану послала Бестужеву приказание объявить шведскому двору своё неудовольствие поведением шведского дипломата, осмелившегося произносить в русской столице «слишком свободные речи».

Но в политической обстановке в Швеции после подписания русско-шведского оборонительного союза были для России и благоприятные моменты. Убедившись в двуличности и непоследовательности действий версальского двора, официальный Стокгольм, как мы уже отмечали, сильно охладел к Парижу. Этому способствовало и поведение зарвавшегося в агрессивности де Кастехи, оставшегося после прибытия Сен-Северина в качестве частного лица и пытавшегося с помощью Юлленборга и Хёпкена настроить общественное мнение Швеции и против Хорна, и против короля. В результате проавстрийски настроенный король Фредрик I стал рьяным противником всего французского. Хорн, между тем, не доверял Константинополю и его щедрым обещаниям и внимательно следил за перипетиями русско-турецкой войны, чтобы не пропустить выгодный шанс и для шведской армии. В этих целях летом 1736 г. на южный театр военных действий направлены два шведских офицера-разведчика — М. Синклер и Ю. Шульц. Они выезжали под легендой коммивояжёров, отдельно друг от друга.

Отчёт разведчиков, однако, сильно воодушевил Хорна: огромные, прямо-таки непосильные для русской казны затраты на войну с османами свидетельствовали: второго фронта России не выдержать. Возможно, время решительного удара на северном фланге было уже не за горами. Юлленборг призвал к созыву внеочередного съезда риксдага, который должен был решить вопрос об объявлении войны России. Сен-Северин тоже не сидел, сложа руки, но, в отличие от Кастехи, действовал осторожно, соблюдая конспирацию. Из министров правительства Юлленборга поддержал лишь влиятельный граф Магнус Делагарди — больше горячих голов в руководстве страной пока не нашлось. Но положение создалось критическое, и Бестужев это хорошо понимал.

Секретная комиссия риксдага чуть ли не экспромтом приняла решение, чтобы Швеция немедленно воспользовалась русско-турецкой войной и напала на Выборг и другие приграничные пункты русской обороны. В Стокгольме легкомысленно считали: 7–8 тысячной армии достаточно для достижения цели — вернуть утраченные по Ништадтскому миру прибалтийские

провинции. В то время как Франция отнеслась к этим планам с прохладцей (ей на данном этапе было достаточно, если бы Швеция просто время от времени раздражала Россию), из Константинополя, от дипломатов-любителей Карлссона и Хёпкена, пришли сведения: Порта готова вести с Россией войну до тех пор, пока Швеция не вернёт утраченное в Северной войне. Сдерживающего фактора в лице Хорна уже не было, и правительство «шляп» бросилось в первую из многочисленных авантур.

Датский посол в Стокгольме Рохус Фридрих Люнар писал в Копенгаген: «Юлленборга и военную партию поддерживают те, которым нечего терять, и которых среди дворян большинство. Эти люди как никогда демонстрируют свою необузданность и безрассудность... Никогда ранее мы не видели у шведов такого ожесточения по отношению к соседу на востоке. Им не приходит в голову, что Англия и Голландия ради своей торговли должны будут поддержать владение Россией бывшими прибалтийскими провинциями. Не обращая на это никакого внимания, военная партия воображает себя в состоянии вернуть эти бывшие владения, но игра может закончиться тем, что шведы потеряют ещё и Финляндию». Провидческие слова, которые сбудутся всего через 5 лет!

Для доставления из Порты важных документов о предстоящем союзе, секретная комиссия в глубокой тайне стала готовить в Константинополь курьера. Выбор снова пал на уже упомянутого Синклера, стяжавшего известность знатока обстановки вокруг русско-турецкого конфликта. О сути предстоящего дела в секретной комиссии знали лишь четыре человека: генерал Левенхаупт, барон Самюэль Океръельм, епископ Эрик Бенселиус и правительственный чиновник Салин. Курьера снабдили несколькими паспортами, выписанными на разные фиктивные данные членом госсовета Густавом Бонде, и никто, кроме самого Синклера, не знал об этом, пишет Мальмстрём. Но о миссии Синклера узнал Бестужев-Рюмин и доложил о ней в Петербург.

В знак подтверждения согласия на предложение Порты, шведское правительство, в которое вошли лица, начинавшие карьеру при Карле XII (Океръельм, Крунстедт, Эренпрройсс, Эрик Врангель, Лёвен, Спарре, Адлерфельд, Поссе, Росен и Шёшерн), мечтавшие о возврате былого шведского могущества, решило передать туркам несколько военных кораблей, которые должны были окончательно погасить долги Карла XII, сделанные им в Турции в 1709–1715 гг. В обход полномочий короля и правительства секретная комиссия утвердила упомянутых выше Карлссона и Хёпкена официальными посланниками Швеции в Константинополе и распорядилась выдать Бонневалю вознаграждение на сумму в 1000 дукатов. В Финляндию решено отправить два вновь завербованных пехотных полка. Для выработки конкретных предложений об использовании армии и флота в предстоящей войне с Россией, правительство Юлленборга весной 1739 г. организовало комиссию из 12 виднейших генералов, экспертов и чиновников, включая ландмаршала Тессина.

В Константинополь из Швеции отправились два корабля — военный фрегат «Швеция» и торговое судно «Патриот», загруженные мушкетами, порохом и другими товарами в счёт долгов бывшего короля. В Петербурге были возмущены демонстративными антирусскими шагами Стокгольма. Императрица выступила с угрозами в его адрес: «Придётся мне этого ландграфа отправить обратно в его маленький Кассель!» Русские и австрийские дипломаты предприняли демарш перед Мальтийским рыцарским орденом и попросили его перехватить шведские корабли, доставлявшие военную помощь врагам христианства, в Средиземном море. Но вмешательство Мальты не понадобилось: фрегат «Швеция» потерпел крушение поблизости от испанского города Кадиз, и ценный груз был потерян. «Патриот» же благополучно добрался до порта назначения, и довольный султан отпустил Синклера домой, вручив ему долговые расписки Карла XII.

В течение столетий какой-то рок висит над русско-шведскими отношениями: то русская сторона совершает глупость, убивая шведского дипломатического курьера, то в 1945 г. советские военные арестовывают шведского дипломата и увозят его в тюрьму, где он бесследно исчезает; то в 1950-е годы советские лётчики сбивают над Балтикой разведывательные самолёты шведов, то русская подлодка в 1981 г. оказывается в акватории базы ВМС Швеции, и шведы в течение 30 лет обвиняют советско-российскую сторону в нарушении их территориальных вод. Но независимо от того, кто нёс вину за эти печальные происшествия, результат предсказуем: они подрывали и без того хрупкое доверие и усложняли отношения между двумя государствами... И вот дело Малькольма Синклера...

Принятых секретной комиссией мер конспирации в деле Малькольма Синклера, очевидно, было недостаточно, ибо тайна стала достоянием русской миссии. Именно Бестужев в 1738 г. дал наводку на шведского курьера Синклера, выехавшего в Константинополь за документами, содержащими результаты тайных переговоров шведов с турками по вопросу войны с Россией, он даже дал его подробный портрет. Об этом Финч доложил уже 11 июля 1738 г., что косвенным образом указывает: английский посол тоже был посвящён в это сверхсекретное дело. Очевидно, Бестужев заранее, через агентуру, узнал о направлении майора с важным заданием в Турцию и доложил об этом в Петербург, присовокупив к реляции рекомендацию, чтобы «анлевировать» шведа на обратном пути, «а потом пустить слух, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой». Посол уверял Петербург: как ему было сообщено «от знатнейших персон», «такой поступок с Синклером будет приятен королю и министерству». Какие «знатные персоны» могли подтолкнуть Бестужева на такой провокационный шаг, неизвестно, но если это было на самом деле так, то у нас почти нет никакого сомнения: эти персоны лукавили и подталкивали русского посла на опасный путь. Вряд ли среди шведов, будь то «колпаки», приближённые Хорна или окружение короля, не говоря уж о партии «шляп», нашёлся бы кто-то, кому убийство дипломати-

ческого курьера было бы «приятно». Посол, повторивший предложения «анлевировать», т.е. ликвидировать Синклера в нескольких отчётах, полагал: шведский курьер повезёт с собой домой важные сведения о шведско-турецком сговоре против России. В Турцию Синклер отправился через Париж и Марсель, а вот данные о том, когда и каким путём шведский курьер должен был вернуться из Турции в Швецию, добыл, тоже агентурным путём, киевский губернатор И. И. Неплюев и сообщил их фельдмаршалу и главнокомандующему русской армией в Крыму и Бессарабии Миниху. Тот, с одобрения Бирона и Остермана, 23 сентября 1738 года отдал следующий приказ поручику Тверского драгунского полка Левицкому:

«Понеже из Швеции послан в турецкую сторону с некоторой важной комиссией и с письмами майор Синклер, который едет не под своим, а под именем одного, называемого Гогберх, которого ради Высочайших Ея Императорского Величества интересов всемерно потребно зело тайным образом в Польше перенять и со всеми имеющимися при нём письмами. Для которого важного дела посылаетесь вы и для того будете при сём поступать следующим образом:

1. При прочтении сего взять с собой унтер-офицеров или капралов человек трёх, ехать в Польшу под претекстом якобы Вы отпущены в дом свой или к родственникам для свидания. И для того же тех унтер-офицеров иметь под видом своих служителей.

2. Понеже, без сомнения, тракт оного офицера будет или на Каменец-Подольский, или через Хотин, или в Сороку, того ради ездить Вам более по тем местам и везде, будучи в разговорах, пристойным образом спрашивать об оном офицере тем именем, под которым он едет, объявляя, что он человек знакомый.

3. Ежели по вопросам о нём где увидаете, то тотчас ехать в то место и искать с ним случая компанию свести или иным каким образом его видеть. А потом наблюдать, не можно ли его на пути или в каком другом скрытом месте, где б поляков не было, постичь.

4. Ежели такова случая найдёте, то стараться его умертвить или в воду утопить. В письма прежде без остатка отобрать, токмо при том таким образом поступать, чтобы никакого подозрения полякам не показать и ими того уведано не было.

5. И ежели оное благополучно исполнится, то тотчас ехать обратно. А письма, которые от него отобраны будут, везти во всяком бережении и сохранении. А по приезде обо всём подать ко мне обстоятельный рапорт.

Впрочем, будучи при сём важном деле, поступать так, как надлежит Ея Императорского Величества верному рабу и искусному человеку, ожидая за исполнение того высочайшей Ея Императорского Величества милости и награждения, смотря при том, чтобы от подчинённых Ваших польским поданным никаких малейших обид, позлобления чинено не было.

Миних».

Инструкцию фельдмаршал неосмотрительно подписал лично.

В апреле 1739 г. Синклер, имея при себе письма султана, великого визиря и долговые расписки Карла XII, отправился в обратный путь. Швед знал: его караулили русские разъезды, но полагал — под охраной турок, а потом поляков он уже преодолел самую опасную часть пути и въехал на территорию австрийской империи. Но 17 июня, в районе Бреслау, он неожиданно подвергся нападению со стороны неизвестного кавалерийского отряда. Его схватили, отвели в сторону, убили и захватили сумку с документами. Следовавшего вместе с ним французского купца Кутюрье переправили через саксонскую границу и предоставили в распоряжение русского посланника в Дрездене Кайзерлинга. Посланник несколько дней продержал француза в здании миссии, а потом выдал ему компенсацию за «претерпевшие неудобства» и отпустил на все четыре стороны. Кутюрье, не мешкая, отправился в Стокгольм и рассказал там обо всём случившемся. Как можно убедиться, операция по ликвидации Синклера была проделана так топорно, что её русский след сразу обнаружился. Она получила самую неблагоприятную огласку в Швеции в тот самый момент, когда Бестужев писал в Петербург: «жар к войне у шведов потухает». А 6 июля он доложил в Петербург: шведы уже получили известие о гибели Синклера от рук русских солдат. Убийство Синклера вызвало резкое ухудшение отношений между Стокгольмом и Петербургом, хотя, как утверждает Соловьёв, Юлленборг на первых порах был склонен к тому, чтобы по возможности не предавать это дело широкой огласке, и сожалел, что Синклер не был убит какими-нибудь разбойниками, а был так неосмотрительно ликвидирован русскими. Как сообщает наш маститый историк, в Стокгольме на некоторое время потеряли следы курьера и уже считали его пропавшим без вести, не возлагая на его миссию уже никаких надежд. Бестужев от имени петербургского двора выразил шведскому правительству соболезнование и возмущение свершившимся произволом, но никто в его обещания наказать виновников убийства Синклера не поверил. Чрезвычайный посланник России не мог теперь открыто показаться на улицах шведской столицы, потому что многие шведские офицеры дали клятву отомстить за убитого Синклера. «Кровь Авеля взывает к мщению» — так, согласно Мальмстрёму, говорили тогда в шведском обществе. Появилась песня о Синклере, написанная студентом Андерсом Уделем, которую распевали во всех уголках страны (и поют её до сих пор). Согласно тексту песни, Синклер встретился на том свете с самим Карлом XII.

Бумаги Синклера, как выяснилось, важных секретов не содержали. Поручик Левицкий и все его помощники по «милости Ея Императорского Величества» были арестованы и сосланы на 5 лет в Сибирь (правда, Левицкий за это время получил следующий чин и вернулся потом снова в армию). Бестужев просидел, не выходя из дома, вплоть до начала русско-шведской войны в 1741 г., уверяя Петербург, что ничего страшного и опасного в Швеции не происходит, и продолжал тратить крупные суммы денег на поддержание партии мира — «колпаков». По всей видимости, посланник уповал на

отсутствии резкой официальной шведской реакции на убийство Синклера и продолжал сорить деньгами. И в самом деле: правительство Юлленборга никогда не высказывало по поводу убийства Синклера жалоб и не желало предавать это дело широкой огласке. Послу Нолькену в беседах с официальными русскими лицами имя Синклера было запрещено упоминать.

Некоторое время спустя Стокгольм получил дубликаты документов, изъятых у Малькольма Синклера, и мог обсудить их содержание. Правительство приняло решение наделить Карлссона и Хёпкена официальными полномочиями на завершение переговоров о заключении союзного договора с Портой, направленного против России. Без этого Константинополь отказывался иметь дело со шведскими коммерсантами. Вновь испечённые дипломаты получили инструкции договориться с турками о ведении военных действий до победного конца, пока оба союзника не добьются поставленных перед собой целей. На случай мира между Турцией и Россией «посланникам» рекомендовалось заключить с османами хотя бы оборонительный союз, но при условии: Порта предоставит Швеции субсидии сроком на 3 года по 1 миллиону пиастров в год.

В Финляндию, кроме двух пехотных полков, отправили ещё 6 тысяч солдат. Хорн предлагал Бестужеву не обращать внимания на воинственные глупости шведов, потому что содержать этот контингент в Финляндии правительству было не на что, так что он растает там сам собой. Отставной премьер-министр советовал готовить Россию к обороне и не подавать шведам поводов к провокациям. Бестужев тайно послал одного из агентов в Карлскруну, главную военно-морскую базу Швеции, и выяснил: в гавани Карлскруны вооружались 22 линейных корабля, а в провинции, ссылаясь на дело Синклера, офицеры возбуждали народ к войне с Россией.

Военная конвенция с Францией

Между тем приближалось время созыва очередного съезда риксдага — май 1738 г. — и все стороны, каждая по-своему, готовились к нему. 21 июня 1738 г. английский резидент в Санкт-Петербурге Клавдий Рондо проинформировал статс-секретаря Форин Оффис Харрингтона о содержании последней беседы с вице-канцлером Остерманом и Бироном. Согласно этому донесению, Анна Иоанновна в ответ на подкупы французским послом шведских чиновников и депутатов парламента приказала подобную же практику применять Бестужеву, для чего направила ему большую сумму денег. Франция на «подготовку» риксдага выделила Сен-Северину 200 тыс. ливров, Лондон выделил Финчу около 9000 фунтов, в то время как Бестужев, по оценке Мальмстрёма, располагал суммой, эквивалентной примерно 50 тысячам шведских крон (Финч в отчёте Харрингтону от 12 августа 1740 года сообщает: Бестужев раздал в Стокгольме 50 тысяч рублей).

Бестужев, как видно из письма Финча Харрингтону от 9 марта 1738 г., отнёсся к обязанностям «благотетеля» прорусской партии беспечно: он от-

крыто забрал из банка мешок с дукатами, предназначенными для раздачи депутатам риксдага, чем навлек на себя обвинения противников в даче взятки и вмешательстве во внутренние дела Швеции. Тем более, что противники России состояли ранее на денежном содержании русских посланников и хорошо знали всю эту кухню. Как всегда, пик политической борьбы пришёлся на период работы шведского парламента. Риксдаг 1738 г., открывшийся 13 мая, был важным во всех отношениях: он выбирал нового ландмаршала и проходил в обстановке заката целой эпохи деятельности Хорна, стоявшего у руководства страной целых 33 года и 28 лет бывшего руководителем правительства. 74-летний Хорн подал прошение об освобождении его от всех государственных обязанностей. Его место теперь занял Юлленборг. Кроме того, именно на этом съезде впервые официально появились названия противостоящих друг другу партий — «колпаков» и «шляп».

Новый ландмаршал риксдага, амбициозный и тщеславный граф Карл Густав Тессин, был выходцем из семьи известных художников, архитекторов и театральных деятелей Швеции. Он успел побывать и поработать всюду, но нигде не оставил значительных следов, кроме, впрочем, репутации умного, образованного, энергичного и находчивого человека. Хорн попытался послать его к Сент-Джеймскому двору, но Лондон его не принял. Тессин захотел сменить в Париже Едду, но этого не захотел Хорн. Тогда Тессин попросил у Хорна занять вакантное место статс-секретаря, но Хорн предпочёл ему Едду. Тессин слыл человеком без особых партийных пристрастий (пока не обнаружилось: он поддерживал тайные связи с Сен-Северином), что и послужило причиной того, что оба его соперника на выборах — бывший ландмаршал Левенхаупт и генерал Спенс — сняли кандидатуры в его пользу.

Риксдаг 1738 г., длившийся целый год, привёл к безраздельному правлению в стране профранцузской «партии шляп». Если основной идеей Хорна было разумное балансирование между Россией, морскими державами и Францией, правда, не исключавшее при благоприятных условиях и войны с восточным соседом, то основной идеей правительства Юлленборга стала именно война с Россией и возвращение утраченных прибалтийских территорий. Если Хорн не пренебрегал сотрудничеством с Англией, то правительство «шляп» предпочло полную ориентацию на Францию, Турцию и, по возможности, на Данию.

Комментируя победу сторонников Юлленборга и Хёпкена, Мальмстрём справедливо пишет: деньги иностранных посланников в данном случае вряд ли сыграли решающую роль — их было много и у их соперников — «колпаков». Главным фактором переворота в умах шведских политиков стала ненависть к России. Партия Юлленборга была лучше организована к борьбе с противником, нежели сторонники Хорна. «Колпаки», как бы оправдывая название, вели себя вяло, не успевая реагировать на выпады «шляп».

В сентябре 1739 г., когда победа Юлленборга была полной и бесповоротной, Бестужев принял «колпака» Г. Бонде, который обещал организовать сторонников по принципу партии «шляп», а некоторое время спустя Бьельке, изгнанный из риксрода, попросил у русского посла денег на «организационные расходы». Но всё это походило на размахивание кулаками после драки.

В европейских дворах удивлялись разнузданным действиям шведского парламента, а в Петербурге Швецию уже сравнивали с неуправляемой Польшей. Хорошо информированный датский посол Люнар писал в Копенгаген: «Шведы, кажется, создали порядок, при котором предпочли слушаться самих себя, а не разумное монархическое правительство. Такое правительство, однако, при необходимости будет создано, как только в Швеции появится храбрый, умный и любимый армией король. Злоупотребление абсолютизмом привело к народному насилию. Злоупотребление народным правлением приведёт к восстановлению абсолютизма».

Между тем, 31 октября 1738 г. с Францией была подписана военная конвенция сроком на 10 лет, согласно которой Швеция должна получать в течение 3 лет субсидии в размере 300 тысяч риксталеров в год. Главным переговорщиком выступал Тессин, хотя в шведскую делегацию включили и Хорна с Бонде — вероятно, для придания веса или мнимого единства членов правительства. Военная конвенция, пишет Веттерберг, противоречила всей предыдущей политике Хорна, но его заставили поставить под ней подпись. В это время на него оказывалось сильное давление со стороны «шляп», привлёкших для его уговоров уйти в отставку и друзей (К. Спарре), и родственников (зять, генерал А. Лёвен).

На вопрос одного из представителей партии «колпаков», почему, мол, субсидии выплачивались всего 3 года, тогда как военные обязательства Швеции действовали 10 лет, Тессин ответил: интересы Швеции и Франции были настолько разными, что связь между ними должна сохраняться постоянно. На практике, пишет Веттерберг, секретная комиссия признала ограниченность принципа взаимности в обязательствах сторон. Её члены высказались: для Швеции не важно, что Франция не выполняла требования о взаимности обязательств по тем вопросам, которые не касаются Швеции. «Так выглядела взаимность между великой и малой державами», — заключает историк и добавляет: Франция в тот момент несколько не заинтересована, чтобы Швеция вступала в войну с Россией — ей нужно отвратить шведов от английских более выгодных субсидий.

Внешнюю, да и внутреннюю политику правительство «шляп» проводило с вопиющим нарушением законности. Главным руководящим органом страны стала секретная комиссия, которая подмяла под себя и правительство, и риксдаг, и короля. Она с беспримерным усердием стала очищать государственный аппарат от сторонников Хорна и продвигать на их места своих людей. С головкружительной лёгкостью она сорила казёнными деньгами и награждала сторонников солидными синекурами. При этом комиссия окру-

жила свою деятельность плотной завесой секретности и ревниво следила за тем, чтобы ни один «посторонний», включая членов правительства, не смог бы проконтролировать её решения. Постепенно в стране создалась нетерпимая к другим мнениям обстановка, началась настоящая охота на «ведьм», жертвами которой стали и члены партии «колпаков», и вообще независимые честные шведы. Охота на ведьм сменялась кампаниями шпиономании, причём шпионов правительство Юлленборга находило лишь в стане русских и англичан. Французский шпион Клинковстрём спокойно и уверенно делал карьеру в правительственном аппарате и за «заслуги» удостоился даже титула барона.

Шведские историки единодушно характеризуют время правления «шляп» как самое несчастное для страны. Ландмаршал Тессин уже на заключительной фазе риксдага в апреле 1739 г. вынужден был с испугом констатировать: если «Швеция получит в этом вавилонском столпотворении войну, то она приведёт страну к гибели». Он не выдержал начавшегося в руководстве страны сумасшествия и в июне 1739 г. отправился послом в Париж.

Россия, как пишет Мальмстрём, вела себя на первых порах удивительно беспечно. Но это было верно лишь отчасти: резидент К. Рондо докладывал из Петербурга в Лондон: русские приступили к созданию на финской границе запасов амуниции и продовольствия, вербуют 40 тысяч рекрутов. Англичане, как бы дополняя последние, не всегда объективные донесения русского посланника из Стокгольма, настойчиво доводили до русской стороны информацию о зловещей роли Франции в Швеции в подготовке войны с Россией. Они были об этом хорошо проинформированы, благодаря агенту внутри французского правительства.

В ноябре 1738 г. статс-секретарь Форин Оффис Харрингтон в письме Рондо выразил удивление «легкомысленным» на этом фоне поведением русских, отказывающихся от заключения выгодного оборонительного союза с Англией. В то время, как между Стокгольмом и Парижем заключена военная конвенция, вице-канцлер Остерман упрямо избегал переговоров на эту актуальную тему. Вероятно, дело было не в легкомыслии, а в недоверии Петербурга к Лондону. По всей видимости, Остерман находился в плену у недоверия к англичанам, в котором пребывал и его посол в Швеции. Харрингтон просил Рондо хотя бы попытаться получить от Остермана русский проект договора этого союза, обращая внимание посла на необходимость сохранения вокруг переговоров об этом союзе строжайшей конспирации.

Лондон также предложил Петербургу проинформировать шведского посла Нолькена о той неблагоприятной роли, которую Франция сыграла на заключительном этапе польского кризиса, однако Бирон отклонил и это предложение, не решаясь раздражать Францию, которая в это время усиленно занималась посредничеством между Россией, Австрией и Турцией и готовила Белградский мир. Согласившись на посредничество Франции в мирных переговорах с турками, Петербург стал заложником этих посреднических услуг, в то время как открывавшиеся перед ним перспективы сотрудничества с Лондоном сводились на «нет» близорукой позицией Бестужева-Рюмина.

К февралю 1739 г. Бестужев освободился, наконец, от опасных иллюзий относительно планов Франции в Швеции и в полной мере стал осознавать нависшую на северном фланге опасность для России. «Зашевелился» и вице-канцлер Остерман, дав поручение Кантемиру в Париж предпринять демарш у французского правительства и потребовать объяснений по поводу недружественных акций Франции в Стокгольме. Версаль отделался пустыми отговорками, что ещё больше насторожило русскую сторону.

Именно в это время в голове у Бестужева возникает план перехватить Синклера на обратном пути из Турции. Очевидно, он полагал: добытые у шведского курьера секретные документы о сговоре Турции со Швецией раскроют, наконец, глаза Бирону, Остерману и императрице Анне Иоанновне на опасность с севера и помогут оказать нужное давление на правительство Юлленборга.

21 апреля 1739 г. К. Рондо сообщил Харрингтону о выезде из Санкт-Петербурга на родину шведского посла Нолькена. У него в России умерла жена, и он повёз её тело домой. Рондо беспокоился: приезд Нолькена в Стокгольм ускорит развитие событий в Швеции, посол непременно доложит правительству о великом хаосе и о беспорядках, творящихся вокруг императрицы Анны Иоанновны и её двора, и неурядицы в стане русских будут восприняты воинственной партией «шляп» как сигнал к выступлению.

В июне Харрингтон, явно используя разведанные, полученные из парижского источника, просит Рондо проинформировать русский кабинет: шведы для переброски армии в Финляндии намерены воспользоваться услугами французского военно-морского флота, и после выполнения десантной операции французы намерены блокировать русский флот в Кронштадте. Военные действия шведов должны начаться уже предстоящей зимой, шведы планируют напасть на Кронштадт и Санкт-Петербург по льду. Обстановка в самой Швеции и вокруг неё накалялась.

14 октября 1739 г. Антиох Кантемир столкнулся в приёмной кардинала Флэри с Сен-Северином, приехавшим в Париж сделать доклад о положении в Швеции. Сен-Северин сказал Кантемиру: правительство Юлленборга, полагая себя слишком слабым, о войне не помышляет, оно просто вынуждено отвечать на народный взрыв в связи с делом Синклера, и он, Сен-Северин, никоим образом не может повлиять на умиротворение шведов, его резонов никто, якобы, не слушает. Это была чистой воды демагогия, которую не могли не раскусить ни Кантемир, ни вице-канцлер Остерман. Представляет интерес ответ Остермана на отчёт об этой беседе, выразившийся в замечании на полях документа, которое полностью излагает Соловьёв. Мы приведём лишь некоторые выдержки из этой длинной цитаты: «...дела в Швеции не на таком основании находятся, как С.-Северин рассуждает: старое министерство ниспровергнуто, и новое поставлено там исключительно французскими стараниями... Можно положить за верное, что шведы без согласия Фран-

ции войну не начнут и без французской помощи начать её не в состоянии... С другой стороны, не видно, какой бы Франция могла иметь интерес помогать Швеции в войне с нами...» Привести Швецию в прежнее могучее состояние невозможно, считает Остерман, Россия теперь это не позволит, однако за развитием ситуации следовало следить недрёманным оком. Сейчас-то мы знаем: интерес Франции относительно Швеции имелся, и вполне основательный. Он раскрывается в инструкции, полученной маркизом Шетарди перед отъездом из Парижа в Петербург, но об этом мы сообщим позже. Кантемир в отчёте за 24 января 1740 г. приводит реплику кардинала Флёри, чтобы Россия для успокоения Швеции вернула ей завоёванные прибалтийские провинции. Кантемир отвечает: это невозможно, поскольку зафиксировано в Ништадтском мире и согласовано со всеми державами Европы. Кроме того, между Россией и Швецией уже три года действует договор о союзе, при подписании которого Россия выплатила все шведские долги Голландии. «Я знаю, что Россия имеет неоспоримое право на эти провинции», — сказал кардинал и закончил на этом беседу.

Нет надобности говорить, как это сообщение насторожило Петербург. Кардинал Флёри, а потом и его преемник Шуазель, ненавидевший Россию, последовательно претворяли в жизнь установку короля Людовика XV, вознамерившегося исключить Россию из европейского «концерта» и вернуть её в прежние «варварские» пределы. Видно, здорово Пётр I перепугал семилетнего дофина, когда во время визита во Францию взял его на руки и подбросил высоко вверх! А пока даже для проницательного и умного Остермана действия Франции в Швеции кажутся странными и нелогичными...

Заключение Белградского мира с Османской Портой, по оценкам Бестужева, охладило воинственный пыл шведов, но не настолько, чтобы коренным образом переломить создавшуюся ситуацию. «Шляпы» быстро оправились от шока, вызванного посредничеством Франции при подписании Белградского мира (они были возмущены, что французы забыли об интересах Швеции и не включили её территориальные притязания в текст Белградского договора!), и приступили к массовой обработке населения в пользу войны. Подверглись нападению толпы русская церковь и здание миссии, в окно резиденции Бестужева полетели камни. Распространялись мифы о слабости России после войны с Турцией, о смутах и неурядицах в российском государстве, уверенность в том, что, как только Швеция нападёт на Россию, в ней тут же вспыхнет антиправительственное возмущение.

В октябре 1739 г. переговоры в Петербурге о подписании союзного англо-русского трактата, по-видимому, настолько продвинулись, что Харрингтон дал полномочия Рондо подписать документ об оборонительном союзе. Но тут возникло нечто непредвиденное: неожиданно умирает старательный Клавдий Рондо, и Харрингтон срочно перебрасывает деятельного и умного посла Финча из Стокгольма в Петербург. Петербург теперь становится для Форин Оффис важным внешнеполитическим постом.

Одновременно с Финчем в Петербург прибывает французский посол Шетарди. Его статус неопределённый, верительных грамот с собой он не привёз, а рядом с ним продолжает работать официальный посол Франции. Кто он? Зачем прибыл в Россию? Не танцевать же менуэты с царевной Елизаветой Петровной! История с Шетарди, как известно, чрезвычайно занимательна, но мы коснёмся её только в части, имеющей касательство к нашей теме.

С отъездом Финча Михаил Петрович лишился в Стокгольме умного и деятельного союзника. При сдержанном отношении Остермана к предложениям англичан и блокировании деятельности Бестужева-Рюмина после эпизода с Синклером, тон в Стокгольме стала задавать английская дипломатия. Впрочем, в Лондоне к этому времени уже признали бесполезность воздействия на шведские умы с помощью английского фунта стерлингов.

Все важные документы миссии Михаил Петрович к этому времени сдал на хранение голландскому посланнику, а компрометирующие бумаги сжёг. Создаётся впечатление: в последние годы пребывания в Швеции он выполнял обязанности без свойственной ему энергии, как-то механически, по инерции. Это было вполне понятно: пущенные в дело все возможные средства и способы «умиротворить» Швецию не оправдались.

Вместо Финча в Стокгольм прибыл новый посол Сент-Джеймсовского двора — сэр Барнаби, но с ним у Бестужева контакта, кажется, не сложилось. Барнаби поддерживал подозрительно тесные контакты с бывшим шведским посланником в Лондоне Спарре и тем самым подогревал у Бестужева старые подозрения к англичанам. Если учесть: Спарре к этому времени окончательно перешёл в лагерь Юлленборга, то основания для подозрений у русского посла, конечно же, были. Английская дипломатия всегда имело двойное дно.

Став уже летом 1739 г. на тропу войны, Швеция всё ещё колебалась как флюгер. Впрочем, отсутствием какой-то отчаянной решимости правительство Юлленборга не страдало. «Теперь или никогда», — заявил Юлленборг отъезжающему в Париж Тессину, которому надоели пустые воинственные фразы партнёров по партии, он предпочёл занять освободившееся, наконец, место посланника в Париже. Правительству Швеции не хватало малого — денег. Но это была такая мелочь, о которой не стоило и беспокоиться. Деньги дадут турки и французы. В первую очередь, конечно, французы. Но, кроме денег, Юлленборг и его правительство хотело от Парижа — ни много ни мало — ещё и помощи в привлечении на свою сторону Дании, Польши, Пруссии и Турции. Причём Пруссию «шляпы» хотели соблазнить в союз Курляндией, а Данию — Лифляндией, которые надобно было сперва отобрать у России. Естественно, всё это планировалось осуществить в случае победоносного завершения войны. «Шляпы» были большие фантазёры и мастера делить шкуры неубитых медведей.

Тессин был человеком тонким и щепетильным, он не хотел пугать кардинала Флёри объёмами предстоящей помощи, а потому начал беседу в Верса-

ле с малого — о выделении субсидий на содержание двух армейских полков, только что переброшенных в Финляндию. Там шведские солдаты находились в ужасном положении: продуктов для них метрополия не выделила, а финны прокормить такое количество людей просто были не в состоянии. В ответ шведский посланник не только не получил заверение о французских субсидиях, но встретил у кардинала непонимание необдуманное и преждевременным шагом. Ещё не начались переговоры с будущими союзниками — датчанами, а шведы уже поторопились с подготовкой военных действий! Не одобрил Версаль и сделанное туркам предложение о военном союзе: Франция уже сильно заангажировалась в примирении Порты с Россией и Австрией, так что Швеция с воинственностью оказалась совсем некстати.

Это был первый щелчок по носу Юлленборгу и его друзьям, так слепо доверившихся французам. Но он был далеко не последний: французскому послу в Турции маркизу де Вильнёву удалось, наконец, довести до конца дело примирения воюющих на юге держав, и 1 сентября в Белграде между Турцией и Австрией заключён мирный договор, а 18 сентября 1739 г. к нему присоединилась Россия. Русский фельдмаршал Миних, одержавший ряд блестящих побед над османами (Ставучаны, Хотин), пытался было возражать против этого неудачного для победоносной России мира, но в Петербурге ему дали понять о несостоятельности его аргументов, показав пальцем в сторону Швеции. Сен-Северин, извиняясь за неудачу с Турцией, говорил Юлленборгу: виноват во всём Вильнёв, поторопившийся с миром, но больше, по его мнению, виновата Россия, так неожиданно принявшая невыгодные для себя условия мира. Шведы проглотили эту пилюлю молча. Впрочем, Турция к концу года подсластила её, согласившись заключить со Швецией оборонительный союз — Вильнёв всё-таки постарался. Но такой союзник шведам был бесполезен: ведь Россия на них нападать не собиралась, а значит, турки помочь им ничем не смогут. Оставалось надеяться только на датчан, поляков и пруссаков. Но датчане просили пока повременить — до того момента, когда у Дании истечёт срок оборонительного договора с Англией. Всё ещё можно было остановить или отменить, но такое решение никак не могло устроить Юлленборга, ибо это означало бы официально признать полный крах всего нового правления. Оставалась только война и переговоры с Копенгагеном, Берлином и Варшавой. Стокгольм торопился, времени на раздумье оставалось всё меньше и меньше. Нужно было форсировать процесс переговоров. Но Тессин всё стеснялся попросить денег у Версаля, опасаясь вызвать у кардинала Флёри зубную боль от той огромной суммы, которая требовалась для ведения войны с Россией. Он просто не мог ему признаться: Юлленборг и К^о начали войну с совершенно пустой казной!

Первой, как и следовало ожидать, от союза со шведами отказалась Пруссия: Берлин не привык таскать каштаны из огня для других. Потом заупрямилась Дания: она настаивала на том, чтобы переговоры о союзе со Швеци-

ей были засекречены, чтобы не всполошились англичане. Но конспирация была нарушена — Мальмстрём полагает: это сделали люди Юлленборга в надежде поставить Копенгаген перед свершившимся фактом. Однако реакция Копенгагена оказалась совершенно иной: Дания отказалась разрывать союз с Англией и открыто присоединяться к франко-шведскому союзу. Её не соблазнила даже Лифляндия, которую шведы отдавали ей в случае победоносной войны с Россией. (Кстати, спрашивается, зачем было «шляпам» затевать войну с Россией, если самый лакомый кусок их реваншистских замыслов — Лифляндию — нужно было снова отдавать союзнику?) О поляках можно было не говорить. Они не принадлежали себе. Весь их антирусский кураж рассеялся, как только Станислав Лещинский удрал из Данцига. От авантюрной затеи, построенной даже не на песке, а в воздухе, стало дурно даже самим «шляпам». Возникла вдруг идея договориться обо всём с Россией мирным путём. Фантазёрам из правительства Юлленборга стало казаться: Петербург, напуганный военными приготовлениями Стокгольма, пойдёт на уступки и возможно без единого выстрела вернёт шведам хотя бы Выборг или какой-нибудь там Кексхольм. Вести переговоры с Остерманом и Бирон поручили, конечно же, французам. За дело шведов тут же взялся маркиз Шетарди. В общих и туманных выражениях он стал говорить русским министрам о необходимости удовлетворения претензий Швеции. Русские партнёры с язвительным простодушием отвечали: им ни о каких претензиях шведов до сих пор слышать не приходилось — не будет ли маркиз так любезен сообщить им, в чём же, собственно, заключались жалобы Швеции? Насчёт жалоб на русских недостатка у шведского нового правительства не было. Если подумать хорошенько, то русские виноваты во всём. Но, когда трезвые шведские дипломаты взялись за дело, результат получился плачевный. В список претензий попали:

а) «тайные помыслы» России о предоставлении в 1723 г. преимуществ голштинскому герцогу (т.е. требование Петра I признать за герцогом титула «высочества»);

б) т.н. завещание Екатерины I на эту же тему;

в) высокомерное поведение только что казнённого Анной Иоанновной посланника Долгорукого, когда он вёл переговоры со шведами относительно присоединения Швеции к Ганноверскому союзу;

г) «позиция силы», используемая якобы русскими дипломатами на всех переговорах со шведами;

д) убийство Синклера.

Даже французским друзьям Швеции эти претензии показались такого свойства, что ожидать какого-либо их удовлетворения невозможно — за исключением, естественно, убийства Синклера, да и то получить удовлетворение по этому эпизоду можно только на поле боя. Естественно, дальше составления этого списка дело о «мирном удовлетворении претензий» Швеции не

пошло. Ситуация для правительства Юлленборга создалась гротескная, прямо-таки комическая: Мальбрук в поход собрался, но у него не оказалось ни коня, ни меча, ни гроша денег. Даже у несчастного Дон-Кихота всё это было в наличии, у него был даже верный оруженосец Санчо Панса, хотя, собираясь в поход, благородный идальго завоёвывать другие страны вовсе не собирался. А тут... 1739 г. завершался напряжённым ожиданием новых событий.

РАИСА УСОВИЧ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Недavno почти неделю телеканалы муссировали новость: трое здоровых негодяев, приехавших на заработки в Москву, в вагоне метро принародно пристали к незнакомой привлекательной девушке. Они хотели скопом удовлетворить похоть? У них уже был подобный опыт и уверенность: никто им не помешает? И вдруг, неожиданно для преступников, среди этого многолюдья нашёлся человек, который посмел вступить за девушку, сделал им замечание. С добавлением непечатных слов наглецы заорали:

— Мы тебя уничтожим для устрашения присутствующих баранов, не смевших нам перечить!

Они стали избивать парня. Бросили на пол, и три здоровяка в бутах наносили удары в голову, в живот, в спину! А «бараны» сидели, стояли, снимали происходившее на телефон с намерением подзаработать на «лайках». Наконец, жертва перестала двигаться. Кажется, готов! Можно уходить. Одна женщина в почтенном возрасте, не имевшая сил вступить за парня, вышла за нелюдьми, чтобы сообщить о злодеянии и задержать преступников.

СМИ возмущались наглостью «гостей» Москвы, давшей им работу и кров. Называли вступившего за девушку парня героем, чуть ли не предлагая наградить его. Парень позже сказал: ничего героического он не сделал. Так на его месте поступил бы каждый порядочный человек. И никто из корреспондентов не проронил слова укора в адрес свидетелей, которым не было дела — невиновного человека убивали на их глазах.

Из семидесяти четырёх лет в годы Советской власти я прожила сорок семь, почти две трети — лучшую пору жизни. Я уверена: в те, советские, годы этого просто не могло быть. Мужчины, женщины, подростки, даже старики, как я теперь, навалились бы на этих недочеловеков, смяли, свалили, связали ремнями, поясами и сдали бы в милицию. Мы жили идеями. Не имея богатства, мы не думали о нём. «Золотой телец» не пожирал нас.

Многострадальную смуту начала XVII века мы помним четыреста лет. А она длилась-то всего десятилетие. Смута XX века охватила его почти полностью. С каждым годом открываются её новые грани. Видимо, её будут помнить тысячелетие. Я родилась и выросла в селе, воспринимала и воспринимаю действительность с крестьянской точки зрения. Крестьян в России всегда было большинство. Возможно, горожанам, историкам — моё мнение покажется ошибочным. Но это, как говорят, их грех.

XX век для нашего села, как и для других, я думаю, начался благополучно. Ушли мужики на японскую войну. Они уходили на все войны, случавшиеся за 700 лет существования Романово. Но ушли-то не все. Больше половины — не призывались по разным причинам. Тоже самое и в Первую мировую. Страсти начались с революций: буржуазной, социалистической. Продразвёрстка, разгром веры (русский человек тысячелетие жил верой), продналог, гражданская война, коллективизация. Вторая мировая собрала всех мужиков с семнадцатилетнего возраста. Женщины, подростки, старики тянули колхозную лямку, потели на подсобном, единственно кормившем хозяйстве и жили надеждой на возвращение близких. Война окончилась через четыре года, а возвращались с неё живые и через пять, и через семь лет. Возвратилась половина из ушедших, половина осталась в земле. Могилы романовских мужиков — от Волги до Берлина. Половина возвратившихся — калеки, и все — с надорванной психикой. Они — победители — надеялись на благополучие. Пришедшее с Победой, с миром, окунулись в запущенное хозяйство, в полуразрушившиеся дома — соломенные крыши за это время сгнили (их было в Романово 98%), ненастья не пощадили и стены. С мужицкой озлобленностью они стали обеспечивать семьи. Все руководящие посты села и колхоза заняли мужики. Все колхозные лошади были

Раиса Михайловна Усович (1944 г.р., с. Романово Лебедянского р-на Липецкой обл.) закончила Романовскую семилетку, Лебедянское педучилище (специальность — «учитель начальных классов»), Мичуринский пединститут (учитель биологии), юридический факультет Воронежского государственного университета (правоведение). Работала учителем (23 года), следователем, начальником следственного отделения, зональным следователем (25 лет). Подполковник юстиции. Награждена шестью ведомственными медалями и знаком «Отличник милиции». 20 лет занимается литературой. Печаталась в газетах, липецких журналах. Автор 9 книг, печаталась в 20 сборниках, в газетах. Член Союза писателей «Воинское содружество», Петровской академии наук и искусств. Награждена Архиерейской грамотой, дипломант всероссийского конкурса «Доброе слово» (2020, 2021).

в их руках. Ещё во время коллективизации на каждый двор выделили по шестьдесят соток земли. И эти сотки на колхозных лошадях пахали мужики. А вдовы с детьми копали их лопатой, два месяца, с апреля по июнь, постепенно засаживая. А какие унижения испытывали бабы! Могут вспахать тебе огород, если рассчитаешься «натурой». Известный мэр Москвы Лужков как-то спел — принародно — частушку:

По деревне я иду, всем подарки раздаю:
Кому сына, кому дочь, лишь бы Родине помочь.

Это про то время. Сколько «дарёных» дочерей и сыновей росло в селе!

А эти «благодетели» издевались принародно над униженными ими женщинами. И никогда не помогали «дарёным» детям. Как я, ребёнок, ненавидела этих фронтовиков! Мой отец погиб, защищая Родину, а они отсиделись в блиндажах и окопах, а теперь пакостят здесь. Повзрослев, я поняла: это далеко не так, и в озлобленности не они виноваты.

В 1951 г. я пошла в первый класс. Мама из старой юбки сшила мне сумку с ручками. Условия учёбы в школе были несравненно лучше, чем в предыдущие пятнадцать лет. Ученики не носили с собой чернильницы-непроливайки и не сидели в классе в пальто, уже топили печи. А когда я окончила семь классов, председатель колхоза, бывший директор нашей школы, Николай Матвеевич Черников оказал помощь школьникам: бесплатный чай с булочкой. Он помнил нас, голодных и холодных, и сумел выбить это благо для детей.

А какие злые нравы были среди мальчишек нашей семилетней школы! Разумеется, втайне от учителей. Классы переполнены, дублировались. Тогда родители ещё уважали учителей, а ученики их боялись. За неуважение или непослушание учительнице можно было дома получить хорошую порку — основной метод воспитания в семье. А на переменах, вне школы, от цинизма и матерщины мальчишек не было укорота. Девчонки не жаловались — некому, да и не принято ябедничать. Терпели, как могли. Мальчишки заставляли девочек повторять за ними вульгарные скороговорки типа: «Я — бумажка под столом» или «Молотили стог у ямы» и ещё десятки подобных. Тех, кто не хотел повторять, могли избить, повторявших — поднимали на смех. Всю эту грязь несли они из дома, от озлобленных пьяных мужиков, от невыносимых условий жизни. И длилось это не год, и не два, а до конца 50-х годов.

Едва научившись чтению, я окунулась в книжный мир. Уроки я дома не делала, некогда было, в школе, на уроках и на переменах успевала. А для книжек использовала любую свободную минуту. Прочла книги школьной и сельской библиотек. Доставалось мне за это... Бабушка била меня и прутом, и верёвкой, выследив моё «пустое» занятие, даже сожгла две библи-

отечных книги. Как удалось решить проблему их списания библиотекарш Раисе Ивановне Сошиной — не знаю. Но книжки она продолжала мне выдавать.

Где-то в пятом или шестом классе, понабравшись романтики от Дюма и мужества от Зои Космодемьянской, самого отпетого школьного хулигана Воробья я вызвала «на дуэль». Он был старше меня на два года, поднаторевший в бесконечных драках. На перемене за школой в окружении мальчишек мы вышли «на ринг». Его оружие — кулаки и пинки, моё — зубы и ногти. Я не заплакала и не сдалась, я, как Зоя, билась с фашистом — хоть до смерти! И он изнемог, сдался. Больше в моём присутствии он девчонок не задирал.

Моё поступление в Лебедянское педучилище — тоже в то, советское время, о котором некоторые и сейчас ностальгируют. Впервые после семилетнего обучения набирали две группы студентов. Конкурс — двенадцать человек на место. Я всё сдала и набрала на два балла больше пропускного. Вывесили список принятых. Все ринулись к доске объявлений. Я не спешу, уверена в успехе. Вот все разошлись, кто со слезами, кто в восторге. Я подошла посмотреть, в какую группу меня определили, в «А» или «Б». Меня в списках не было. Пошла к завучу. Лидия Алексеевна Корсакова, высокого роста, худющая, одинокая женщина бальзаковского возраста. Спрашиваю:

— А в какой группе я буду учиться?

Она не спросила даже моей фамилии. Знала меня.

— Вы не приняты!

— Почему, у меня же на два балла выше проходного?

— У вас тройка по математике.

И показывает мне ведомость. А там лезвием подчищена пятёрка и исправлена на тройку.

— Вы же видите, что пятёрка исправлена. Вот у меня экзаменационный лист, здесь даже прописью написано: «Отлично».

— Дайте-ка мне Ваш экзаменационный лист.

«Глупая» деревенская четырнадцатилетняя девчонка не дала, показала издали.

— Ничего не знаю, вы не приняты.

И пошла со слезами пятнадцать километров пешком до Романово (дороги ещё не было и автобусы не ходили). Дома залезла на русскую печь и продолжала плакать. Бабушка утешала:

— Не плач, ягодка, ты — сирота, заступиться некому.

А мама ругалась:

— Пойдёшь в колхоз работать дояркой!

На «Победе» к дому подъехал директор нашей школы Валентин Сергеевич Монаенков. У него одного тогда была машина. Всё расспросил, взял мой экзаменационный лист и уехал. Часа через два заходит и говорит:

— Рая, ты принята, будешь учиться в группе «Б».

В конце третьего курса, когда я уже была участницей трёх всероссийских юношеских соревнований по лыжам — в Ижевске, Златоусте и Владимире — на спортплощадке во дворе педучилища директор Евгений Владимирович Дмитриев изрёк:

— Усович, ты — гордость нашего педучилища, а мы не хотели тебя принимать.

Но не хватило у меня, несовершеннолетней, смелости спросить: «А почему?!» И таких историй за прожитое мной советское время я пережила не один десяток. О них как-нибудь в другой раз. А тогда был расцвет. Кроме непосильного труда, были и радости. Ещё в школе, стоя наверху спортивной пирамиды, я с воодушевлением декламировала громко, отдельно:

— Слава товарищу Сталину за наше счастливое детство!

За прошедшие после войны годы жизнь всё-таки улучшалась. Мы верили Хрущёву — будем жить при коммунизме. Как написал Липецкий поэт Владимир Богданов:

Напролом шагал ошалело
По зелёной нежной траве,
И тянуло меня налево,
Когда надо бы чуть правей.
Без разбора, по бездорожью
Пёр бульдозером, полон сил...

Потом уже перестали верить красивым лозунгам и приспособлялись к действительности. Не только мебель, колбасу, посуду, книги надо было «доставать». В институт из класса поступали один-два человека и выпускались специалистами. Сейчас поступают все. Какие из них специалисты — сами видите.

Большим счастьем для нас, молодых, были турпоходы. Туристических маршрутов по стране было множество. Нас не ждали там тёплые джакузи, ресторанные изыски, шикарные номера. Рюкзак с консервами за плечами, палатки и — пешком по Кавказу, на лодках — по озёрам Латгалии, на лыжах — по Карелии. А какие были умники, творческая молодёжь со всей страны! Придумывали на стоянках невероятные игры, затеи, сочиняли стихи:

Мы со всего Союза и все — под рюкзаком.
С горы сползаем юзом, а на гору — ползком.
Льжня — пеньки и камни, не тишь, не благодать.
Зачем сюда приехали, что мы хотим узнать?
В приютах кашу лопаем с дымом пополам.
Знакомство с горьким опытом советуем мы вам.
Плита не городская, не газ, нет варьете.

И что такое Викшица — узнаешь на себе.
И всё же, если честно, все сыты мы сполна,
Чудеснейшее место турбаза «Касалма».
Об этом не расскажешь, здесь надо побывать,
Так не меняйте нары на мягкую кровать.

А потом наступила ельцинская демократия. Годами не выдавали зарплату. Помню такой эпизод: бабуля за семьдесят и девочка лет пяти стоят у овощного магазина. Бабуля дрожащей рукой остановила меня за рукав:

— Купи что-нибудь. Вот хоть зайца с ушками. Всю ночь она рисовала... — и указала на девочку.

В коробочке лежали десятка полтора нарисованных детской рукой и вырезанных зверюшек. В последние два десятилетия не было побирušек — завоевание советской власти. Чтобы не быть наказанными за попрошайничество и не умереть с голоду, старушка и девочка занялись бизнесом.

— Это не заяц, а котёнок, — деловито поправила девочка.

Спазмы сдавили горло. Я положила в коробочку двухсотрублёвую купюру. (В то время — при небывалой инфляции — мы все были «миллионерами»). У бабули от неожиданности ещё больше задрожали голос и руки:

— Ну, зачем же так много?!

У меня слёзы полились ручьём, и я спешно отошла. До чего мы дожили!

Во время ельцинской «демократической революции» я ушла на пенсию и живу натуральным хозяйством (благо, крестьянские навыки остались с раннего детства) и заработанной честным трудом пенсией. Старая, больная. Предлагаю нашим потомкам подумать, когда лучше: прежде или теперь?

ОДНА СУДЬБА

Мой любимый вид транспорта — железнодорожный. Несколько часов, суток или даже неделю (приходилось ехать от Владивостока до Москвы) пребываешь в состоянии покоя, свободы от обязанностей, принадлежишь себе. Хочу — читаю, хочу — сплю под едва заметное покачивание и ритмичный перестук колёс. Бывает, соседи по купе тоже утомились от жизни и счастливы отдохнуть. А то — истосковались по общению. Поддержишь разговор. На расспросы утолишь любопытство любой фантазией о себе, лишь бы собеседнику было интересно.

Я снова в купе. Еду на родину отца. За тысячу километров друг от друга сошлись судьбы двух семей: отца из Белоруссии и мамы из России. Несмотря на расстояние, они повторяют друг друга. Дед Аким Максимович Усович — из крестьян. Родился в селе Сипайлы Бялыничского района Могилёвской области. После полевых работ уходил на заработки, точил пилы по всей Белоруссии. В селе Морозовичи под Брестом встретил свою судьбу — Прасковью Фёдоровну Трацук. После венчания вместе с приданным — поросёнком —

молодожёны своим ходом отправились на родину мужа. По дороге Аким Максимович точил пилы нуждающимся, обеспечивая пропитание и ночлег себе с женой и поросёнку.

В Сипаилах близкие не пришли в восторг от решения сына и брата создать свою семью. Эту холодность к моим бабушке и бабушке они сохранили на всю жизнь. Помогали им, чем могли, только родственники бабушки. Дед сумел организовать быт. С началом Первой мировой войны его мобилизовали на фронт. Пришлось воевать с немцами под Петербургом. В Сипаилах в 1915 г. родилась первая дочь Мария. Революция позвала деда в ряды красных. Вернулся домой в 1920-м. А в 1921-м родился сын Михаил, мой отец. Всего родилось одиннадцать детей. Пятеро умерли в младенчестве от голода и болезней.

В селе Романово Лебедянского уезда Тамбовской губернии в 1892 г. родился мой дед по материнской линии Иван Григорьевич Воронов. Тоже крестьянствовал. Был каменщиком — как все романовские мужики. Справившись с полем и огородом отправлялся «строить Москву». Бабушка говорила: романовские мужики пол-Москвы построили. В 1912 г. ему сосватали Матрёну Филипповну Похмельных, 1894 г. рождения. В год венчания молодые посадили сад — сорок яблонь. Три дерева из них до сих пор живы и плодоносят. В 1913 г. у них родился старший сын, Сергей. Потом Первая мировая, революция. Дед вернулся домой в 1919-м. А в 1920-м родилась дочь Клавдия, моя мама. Всего в семье было десять детей: девять сыновей и одна дочь. В те суровые годы трое мальчиков умерли в младенчестве. В середине 30-х годов умерли оба моих деда.

Следующий этап — принудительная коллективизация. Чтобы избавиться от рабского труда на земле, родители подростками отправляли своих чад в город, лишь бы те имели городскую прописку и с возрастом — возможность получить паспорт. Так моих родителей судьба соединила в столице нашей Родины. В 1940 г. они зарегистрировали брак в Москворецком районном бюро ЗАГС. В июле 1941 г. родилась моя старшая сестра. Отец ушёл на войну, а мама во время эвакуации вернулась в Романово. В феврале 1943 г. девочка умерла от скарлатины. Мама возвратилась в Москву. В ночное время на заводе точила гильзы для пушечных патронов, днём работали подростки. В мае 1943 г. отец забрал маму на фронт, трудоустроил прачкой в свою часть. Папа погиб, а беременную маму отправили в тыл. Так появилась на свет я.

В который раз я еду на родину отца, в Могилёв, чтобы встретиться с единственной оставшейся в живых тётёй — Марией Акимовной. Так уж случилось — две сестры отца носили одно имя. Первую регистрировали в церкви в 1915 г., а вторую — в сельсовете в 1926-м. При регистрации дед дал ей имя Марина. Секретарь то ли не расслышал, то ли от безграмотности написал — «Мария». Переписывать свидетельство о рождении не стал, видимо, был дефицит бланков. А с властью не поспоришь.

Как быстро летит время, как быстро меняется жизнь! Вот и поезд бесшумно останавливается на станциях, легко трогается с места. Не стучат ва-

гонные колёса, в вагоне нет гор мешков, чемоданов, авосек, не стоит дым столбом от махорки и дешёвых папирос. Только бы наши потомки помнили многотрудное, порой до невыносимости, прошлое, ценили бы настоящее и берегли будущее.

Нежданной чёрной тучей опустилась на Сипаилы война. О приходе фашистов никто не предупредил, никто не эвакуировал не только имущество, но даже людей. Красная армия быстро катилась на восток. Чёрная орда фашистов спешила за ней. На восток. На московский парад. Колхозники поделили между собой товары из магазина и колхозный скот. Бабушке достались овца и три ягнёнка. Но не укатилась чёрная волна, фашисты остались в селе на годы. Днём по домам шастали немцы, забирали продукты, искали припрятанные, могли убить и сжечь. Ночью приходили партизаны. Их, кроме продуктов, снабжали и одеждой. И работали на земле в надежде выжить в лихолетье. Инвалидами стали дядя Саша, 1933 года рождения, нога зафиксировалась в полусогнутом состоянии, и дядя Ваня, 1934 года рождения, от испуга стал эпилептиком.

Романово было прифронтовой полосой: окопы, блиндажи и даже военный аэродром. Проходили и останавливались воинские части, госпитали. Но фашистская нога здесь не ступала.

И вот я в Могилёве, на кухне тёти Маниной квартиры. Пьём с ней травяной чай с пирожками. Прошу её рассказать о самом страшном эпизоде оккупации. Помрачнев, тётушка начала:

— 4 марта 1944 года на двух грузовых машинах в Сипаилы приехали немцы и стали забирать на работу в Германию молодёжь 1925 и 1926 года рождения. В одну машину сажали девушек, их было двенадцать, в другую — парней. Плакали все жители, плакали и арестованные. Задержанных охраняли вооружённые фашисты. Привезли их на сборный пункт в село Толочаны, в двадцати километрах от Сипаилы, поместили в гумно. От невыносимого холода все сгрудились. На следующее утро пешком погнали на станцию, погрузили в товарные вагоны — отдельно парней и девушек. Для отправления естественных надобностей дали коробочки, которые после использования выбрасывали в окно. Воды не хватало. Хлеб бросали, как собакам.

В вагоне была Зина из нашего села. Её мать преподавала в школе немецкий язык, девушка на немецком просила у охранников еды, и нам давали больше, чем в других вагонах. Она убеждала нас держаться вместе, помогать друг другу. До Германии ехали месяца три. Чаще стояли в тупике, пропуская на восток поезда. Наконец, привезли в распределительный лагерь Чарлотон Брун, поселили в карантинные бараки. Приказали раздеться и загнали мыться в баню. Когда двери закрыли, некоторые стали падать без сознания. Тут мы поняли: находимся в газовой камере. Стали кричать, стучать в дверь. Зина кричала по-немецки: «Откройте!» Охранники подумали — случайно закрыли кого-то из своих и открыли дверь. Кто мог, стал выбегать на улицу. Упавших вытаскивали немцы. На территории карантинного лагеря

были сложены стога из человеческих тел, которые засыпали бульдозером. Спасшихся погрузили в товарный вагон и отправили дальше в Германию. Так девушки оказались в городе Форкен Бук. Поселили в блоки с двухэтажными нарами по двадцать пять человек. В швейной мастерской девушки штопали бельё. Прошёл год. Война подходила к завершению. Приближался фронт. На машинах девушек отправили в глубь страны, в город Вольтоцин (Волькотин), где были американцы. Вновь штопали бельё. Кормили брюквой. И вот, наконец, свобода! В товарных вагонах с открытыми дверями повезли домой, давали сухой паёк. В Сипаилы тётя Маня вернулась 14 октября 1945 года.

В семье Вороновых пятеро детей стали участниками Великой Отечественной войны. Двое не участвовали по возрасту: дядя Вася 1929 г.р. и дядя Лёня 1932 г.р. Дядя Коля, 1923 г.р. погиб, освобождая от фашистов село Гнилицу Сумской области Украины, где и похоронен. Дядя Петя и дядя Володя были тяжело ранены. Отец мой, Михаил Акимович Усович, в 1943 году ранен в двух километрах от Орла, умер в Тульском госпитале, похоронен на Всехсвятском кладбище города. Там три кладбища: гражданское, солдатское и офицерское. Самое маленькое. На нём-то, на первой плите справа и написано: «Усович М. А., мл. лейтенант». А мама, вечная вдова, жила и за себя, и за отца. Умерла на 97-м году жизни, покоится на кладбище села Романово.

ЧЕМ ПАХНЕТ РОДИНА

Как-то я занялась обычными в осеннее время года сезонными заготовками на зиму и, чтобы не скучать, включила транзистор. Он постоянно работает на одной станции, других не ловит, видимо, от старости. Ведущие — мужчина и женщина — как всегда, вели развязный разговор, время от времени сопровождая его гомерическим хохотом без причины. В этот раз темой послужило заявление в интернете подростка, назвавшегося Желудём: Родина наша — дно, и он не хочет здесь жить. Ведущие задают нам, слушателям, вопрос: обязаны ли мы любить Родину?

Любовь к Родине и обязанность... Можно ли хоть что-то любить по обязанности? Любовь и обязанность — две противоположности. Как чёрное и белое. Тем более, если речь идёт о Родине. Это — что-то неотъемлемое, как часть тела. Можно любить или не любить свою руку, ногу? Родина в генах, в зрении, слухе, обонянии, осязании, вкусе. Я помню вкус молоканников, едва завязавшихся яблок, зелёного крыжовника, полевой клубники, которую ели вместе с чашелистиками. Это вкус моей Родины. Кора у берёзы — гладкая и тёплая, с шероховатыми островками, а у дуба — шершавая, жёсткая. Летом пыль на полевой дороге — пушистая, обволакивает, ласкает босые ноги, а песок на берегу Дона и земля на тропинках — горячие, обжигают, быстрее перескакиваешь на прохладную травку-муравку. Снег зимой — пушистый.

Если лечь на спину и примять его вытянутыми руками от головы до туловища, а потом осторожно встать — увидишь отпечаток неведомой птицы с крыльями. Об осязании Родины можно говорить долго...

А какой запах у моей многострадальной Родины! Терпкая полынь, головокружительный аромат пенно-цветущей черёмухи, нежнейший запах цветка повилики. И ветер в разное время года и в разную погоду пахнет по-разному.

В киосках продают записи голосов природы, но не встречала я среди них хора майских лягушек и соловьёв. По берегам Дона они будто соревнуются, создавая неповторимое созвучие. Уютно сидеть в тёплой комнате, когда за окном плачет и воет вьюга. Как тоскливо курлычат по осени журавли, неровным клином удаляясь к югу. Суета, карканье грачей по весне напоминает ярмарку на День города. У моей Родины несчётное множество неповторимых звуков — от стрёкота кузнечика до победного ржания коня.

Мне посчастливилось проехать тысячи километров по моей Родине — от западных до восточных окраин, от северных до южных широт. Бурные, полноводные реки, озёра, необъятные леса, горы, сопки, равнины, поля подсолнухов и пшеницы, огороды и огородики, деревушки в две-три избы и сутолочные города — всё это моя Родина. Это не любовь, это моя суть, моя жизнь. Мои страдальцы — мама и бабушка, отец, в двадцать три года погибший на войне, мои дяди и тёти, сын, внуки и уже правнуки. Мои дальние предки — казаки и крестьяне, мужики с котомками и ящиками с инструментом, ходившие строить Москву, а ещё раньше — делавшие на Дону струги для рязанских, владимирских, московских купцов. Всё это в нас, в наших генах. И наши соотечественники, волею обстоятельств вынужденные покинуть пределы любимой Родины, выжившие на чужбине, безмерно тосковали по ней и мечтали покоиться в русской земле. Их дети и внуки, рождённые в благополучных странах, тянутся к России, голос предков влечёт сюда.

А этот молодой человек, владеющий лишь мышкой компьютера, с восторгом кричит: «Родина — дно!» — и готов сейчас же податься за красивой жизнью в дальние страны. Вдруг ему даже повезёт: оказавшись там, он вытащит счастливый билет и проживёт сытую, благополучную жизнь. И всё-таки рано или поздно, может быть — уже на смертном одре, тоска по далёкой России сожмёт его грудь. Но уже ничего нельзя будет изменить и поправить. И проклянёт он этих похохатывающих дядей и тётей, провоцирующих его, зелёного, на мечту о «красивой» жизни вдали от Родины, неотъемлемой части любого человека, не нуждающейся в принуждении к любви...

ЕЩЁ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Есть пословица: «Каждый кулик своё болото хвалит». Я — тот самый кулик. Самый дорогой кусочек земли, песчинка в мире — моё Романово. Здесь зарыта моя пуповина. Ещё малышкой я влезала на подоконник

нашей избушки, красными, раздутыми от холода ногами становилась на полусгнившие досточки, прижимала губки к промёрзшему стеклу, протаивая дырочку, и смотрела в это окошечко, пальчиками беспрестанно растапывая новое замерзание, восторгаясь безудержной силе метели за окном. Я это помню! Оторвавшись от хлопот, бабушка снимала меня с окна, сажала на русскую печку и укрывала одеялом с головой. Едва она отходила, я высовывала головку и любовалась искорками на промёрзших стенах избы, которые как бы плясали от неуверенного света лампадки.

Какое счастье бежать вприпрыжку по летней полевой дороге! Такая лёгкость: кажется, прыгни чуть выше — и полетишь. Или идти по ржаному полю и петь во весь голос песню «Каким ты был...», уверенная: тебя никто не слышит.

Нам нравилось бегать по извилистым окопам, оставшимся от войны, играть там в прятки, мы их называли «хоронюшки».

Лёжа в саду под цветущей черёмухой, бесконечно можно слушать жужжание пчёл, созвучное с птичьим разноголосьем. Небо высокое-высокое, голубое-голубое.

Если не терпелось узнать о жизни Зои и Шуры Космодемьянских, как спасётся Алексей Мересьев (в жизни он был Маресьев), я залезала на любимую берёзку в саду, укрывавшую меня ветвями, и погружалась в книгу, не слыша, как по всей округе зовёт меня бабушка. Отсюда я ушла в неведомый мир и набила много шишек, пока, по выражению бабушки, «не вышла в люди». При каждой возможности я возвращалась сюда хоть на час, хоть на день — к родным камням и травам. На далёкой Колыме тоска по малой родине вылилась в поэтические строчки:

Судьба безжалостно носила
Из края в край через страну.
Верни меня в мою Россию,
В мою деревню на Дону!
Туда, где росные рассветы
И хор лягушек по весне,
Откуда мама шлёт приветы
И ждёт, тоскует обо мне.

На карте России село наше меньше макового зёрнышка, но корни его — глубже многих крупных мегаполисов. Корни эти питает Дон-батюшка — дорога в заморские страны и указатель пути жестоким степнякам, шаставшим в наши края поживиться. Настало другое время, теперь другие дороги стали главными. Хочется разбередить души молодых людей — помните, откуда вы пошли, чтите предков, сумевших выжить в невероятных условиях и дать вам жизнь!